

РЕЛИГИЯ И РЕЛИГИОЗНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ

Головко Н.М., Добронравин Н.А.

При участии Коновалова Д.А. и Пяткиной П.В.

Глава из «Африка 2027. Возможности и риски»
экспертно-аналитического справочника,
подготовленного Центром изучения Африки НИУ ВШЭ

Под общей редакцией А.А. Маслова

Авторы:

Головко Николай Максимович, ведущий эксперт Центра изучения Африки НИУ ВШЭ.

Добронравин Николай Александрович, доктор филологических наук, заведующий отделом этнографии Африки МАЭ РАН.

При участии Пяткиной Полины Владимировны и Коновалова Дмитрия Алексеевича..

Под редакцией Маслова Андрея Александровича, директора Центра изучения Африки НИУ ВШЭ.

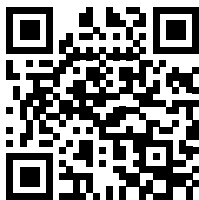
Глава **«Религия и религиозные организации»** посвящена анализу роли религиозных организаций в общественно-политической и экономической жизни стран Африки. Особое внимание уделяется механизмам их влияния – посредничеству между населением и государством, оказанию базовых общественных услуг, воздействию на электоральное поведение и политическую мобилизацию, участию в урегулировании конфликтов и влиянию на формирование элит. Религиозные организации рассматриваются как самостоятельные политические и экономические акторы, располагающие материальными ресурсами, социальной инфраструктурой и сетями доверия, а также выстраивающие собственные каналы взаимодействия с государством, бизнесом и внешними партнерами.

Материал подготовлен Центром изучения Африки НИУ ВШЭ в рамках экспертно-аналитического справочника «Африка 2027. Возможности и риски».

«Африка 2027. Возможности и риски» – экспертно-аналитический справочник посвящен ключевым тенденциям, вызовам и перспективам развития континента. Он продолжает серию изданий «Африка 2023. Возможности и риски», «Africa 2025: Prospects and Challenges» и «Африка 2025. Возможности и риски», предлагая российский взгляд на экономические, социальные и технологические процессы в странах Африки. Новое издание существенно расширяет тематический охват серии.

*Книга подготовлена командой экспертов и исследователей,
объединенной Центром изучения Африки НИУ ВШЭ (Москва, Россия).*

Цифровая версия
справочника
доступна по ссылке:

Религия и религиозные организации

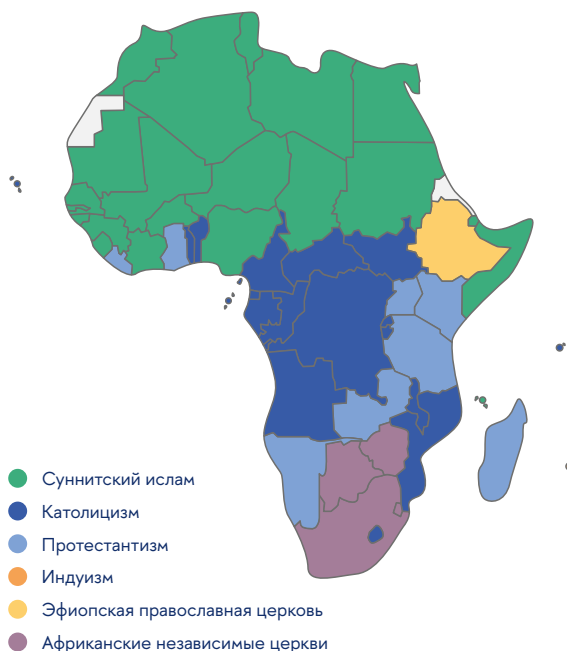
Религиозные организации относятся к числу наиболее устойчивых и влиятельных институтов Африки. Их деятельность нередко выходит далеко за пределы собственно религиозной сферы и пересекает государственные, этнические и языковые границы. Церкви, исламские советы, суфийские тарикаты, религиозные фонды и связанные с ними образовательные и благотворительные структуры участвуют в организации повседневной жизни, владеют землей и недвижимостью, управляют школами и медицинскими учреждениями, аккумулируют пожертвования и другие финансовые ресурсы.

При всем многообразии религиозной жизни континента от Рабата до Кейптауна прослеживаются общие институциональные черты. Религиозные лидеры способны влиять на общественные настроения и электоральное поведение, выступают посредниками между населением и государством, участвуют в урегулировании конфликтов и часто действуют там, где возможности государственных институтов ограничены.

В странах Африки религиозные организации одновременно выступают работодателями, благотворительными структурами, инвесторами, кредиторами и каналами социальной мобильности.

Масштаб их влияния, однако, трудно точно оценить. Религиозные организации, как правило, не публикуют финансовой отчетности, а их внутренняя структура, источники финансирования, механизмы принятия решений и связи с политическими и деловыми элитами остаются слабоизученными. Основная часть доступной информации исходит от самих

Крупнейшая религиозная деноминация по количеству последователей, 2025 г.

Источник: Центр изучения Африки НИУ ВШЭ на основе данных The Association of Religious Data Archives и переписей населения.

религиозных объединений, связанных с ними структур, либо от их оппонентов, политических и конфессиональных. Поэтому количественная оценка их ресурсов и реального общественно-политического

влияния требует особенно осторожной работы с источниками. Тем не менее понимание роли религиозных организаций необходимо для анализа устойчивости африканских политических систем, общественных конфликтов и внешних связей государств континента. Оно имеет и прикладное значение: без учета религиозных сетей во многих странах невозможно

достоверно оценить структуру местных элит, механизмы общественной мобилизации, потребительское поведение или условия реализации маркетинговых стратегий.

При этом значение имеют не только крупнейшие транснациональные структуры, располагающие миллионными аудиториями, собственными университетами, больницами и международными финансовыми потоками. Религиозная жизнь Африки наполнена также и множеством локальных институтов – приходов, мечетей, завий, религиозных школ, благотворительных фондов и общин, влияние которых может ограничиваться городским районом, кварталом или несколькими улицами.

Устойчивость религиозных институтов в Африке

Большинство африканских государств – светские республики. Ислам закреплён как государственная религия в ряде стран Северной Африки (Египет, Ливия, Алжир, Марокко, Мавритания), а также в Сомали, Джибути и на Коморах. В Марокко король – одновременно и глава мусульман, ему приносят клятву верности (бай’а) военные и гражданские чиновники и руководители партий; девиз страны – «Аллах. Родина. Король».

Христианство имеет статус государственной религии только в Замбии, согласно действующей конституции. Бывший президент **Фредерик Чилуба** (1991–2002) объявил страну «христианской нацией» в 1991 г. Остальные государственные системы Африки – формально светские, однако церкви, суфийские тарикаты и религиозные благотворительные фонды остаются одними из наиболее устойчивых общественных институтов.

Несмотря на формальный секуляризм, христианство, ислам и традиционные африканские религии (в некоторых странах – официально признанные и учитываемые в переписях населения как анимизм и водун), а также локальное почитание предков, духов, священных мест приверженцами мировых религий и по сей день – важнейшие элементы социальной организации большинства стран Африки.

По данным ганского мониторингового центра Afrobarometer по 39 африканским странам за период с конца 2021 по середину 2023 гг., 66% респондентов заявили, что доверяют религиозным лидерам; для сравнения, президентам доверяли 46%, полиции – 46%, судам – 47%, парламентам – 37%. В отдельных странах этот показатель особенно высок: в Танзании религиозным лидерам доверяют 94%, в Сенегале – 92%, в Нигере и Эфиопии – по 90%¹. В свою очередь и политические лидеры стран демонстрируют религиозность, атеистов среди них нет; для многих религия – важная часть жизни и становления; общины влияют на их мировоззрение, круг общения.

От других частей света Африка отличается также сохранением высокой религиозности среди молодых поколений.

К примеру, по данным международного исследования молодежи 2023 г., 93% опрошенных кенийцев в возрасте 18–29 лет заявили о вере в Бога – против 61% в Италии и 54% в Испании². Религиозные общины остаются для молодежи и важной социальной средой: через них формируются круги общения, благотворительные и образовательные инициативы, молодежные движения и сети взаимопомощи. Одновременно именно молодежная среда может становиться объектом конкуренции между традиционными религиозными

1 Afrobarometer. Across Africa, public trust in key institutions and leaders is weakening. URL: <https://www.afrobarometer.org/publication/ad891-across-africa-public-trust-in-key-institutions-and-leaders-is-weakening/>

2 Gaitano, N. G., Diaz-Dorransoro, J. M., Olukuru, J., & Cortes, R. Z. (2025). An international survey about young people, faith and religion: framework of the research and overall results. Church, Communication and Culture, 10(3), 268–308. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/23753234.2025.2584662>

Религиозные организации во многих странах обеспечивают населению доступ к базовым общественным услугам, таким как здравоохранение и образование. Так, на 2024 г. в Малави **Christian Health Association of Malawi** обеспечивала около 37% объема медицинских услуг через 194 учреждения³, а в Замбии учреждения-члены **Churches Health Association of Zambia** предоставляют примерно 35% медицинской помощи в стране и более половины формализованного медицинского обслуживания в сельской местности⁴. В ДР Конго христианские школы составляют 64% совокупного числа начальных и средних школ, в Руанде – 61%⁵. Подобная роль религиозных организаций отчасти обусловлена и колониальным наследием, так как распространение влияния религиозных организаций в Африке исторически опиралось на их способность организовать обучение и лечение населения.

Религиозная экономика Африки включает широкую инфраструктуру повседневной жизни: церковные и исламские фонды, кассы взаимопомощи, паломничества, взносы на благотворительность и неформальные механизмы перераспределения ресурсов внутри общин.

- Суннитский ислам
- Баптизм
- Евангелистское христианство
- Католицизм
- Индуизм
- Эфиопская православная церковь
- Пятидесятничество
- Англиканство
- Эритрейская православная церковь
- Адвентизм
- Методизм

3 Christian Health Association of Malawi. Who We Are. URL: <https://cham.org.mw/whoWeAre>

4 Churches Health Association of Zambia. About CHAZ. URL: <https://www.chaz.org.zm/index.php/about-chaz/>

5 Scheunpflug, Annette, et al. Relationships between Christian Schools and the State: A Comparative Analysis for Five sub-Saharan African Countries. URL: <https://openknowledge.worldbank.org/server/api/core/bitstreams/d4a9ec91-2516-5ac3-afcc-f4864b3b51b7/content>

Исламские организации в политике и экономике стран Африки

Основные течения ислама (суннизм, шиизм, ибадизм) и богословско-правовые школы (мазхабы⁶) на протяжении столетий влияли на культуру народов Африки. История континента и история ислама были тесно переплетены уже с первых десятилетий существования мусульманской общины. Ислам пришел в Африку еще во время первой хиджры (до ухода мусульман из Мекки в Медину), когда часть последователей пророка Мухаммада переселилась через Красное море в христианское Аксумское царство (современная Эфиопия/Эритрея) – в этой связи появился хадис «оставьте абиссинцев (эфиопов), пока они оставляют/не трогают вас»⁷. В Северной Африке ислам закрепился через арабские завоевания VII в. и постепенное включение Египта и Магриба в политическое и культурное пространство халифата. Процесс распространения ислама к югу от Сахары до XIX в. носил преимущественно мирный характер и был связан главным образом с торговлей: в Западной Африке – по транссахарским маршрутам между Магрибом и Сахелем, в Восточной – через индо-океанские торговые сети, связывавшие Аравию, Персию и Индию с суахилийским побережьем. Вместе с религией распространялись и практики мусульманской учености, коранические школы, нормы мусульманского права, а вместе с ними и письменная культура – изначально преимущественно на арабском, а затем и на местных языках, тексты на которых записывались в арабской графике (аджами). Так, на суахили, хауса, фула, волоф и других языках исламизированных регионов Африки еще в доколониальный период сложилось богатое письменное наследие.

К приходу европейцев ислам во многих регионах Африки сформировал устойчивую систему связей торговых городов, центров образования и суфийских тарикатов.

Европейская колонизация подчинила мусульманские общества новым административным режимам и ограничила прежнюю автономию религиозных лидеров. В ответ часть лидеров выбирала сопротивление, часть уходила с подконтрольных европейцам территорий или приспосабливалась к новой власти; со временем суфийские братства и мусульманские ученые стали встраиваться в колониальные, а затем и постколониальные политические системы как посредники между государством и мусульманскими общинами.

В современной Африке ислам остается одной из двух крупнейших религиозных традиций континента. На середину 2020-х гг. численность мусульман в Африке можно оценить в 680–700 млн человек – около трети мирового мусульманского населения и порядка 44–45% населения континента. Наиболее высокая доля мусульман в населении сохраняется в Северной Африке, Сахеле и на Африканском Роге.

С богословской точки зрения подавляющее большинство мусульман Африки, как и мусульман мира в целом, относятся к суннитской традиции, однако в повседневной религиозной идентичности и публичном позиционировании организаций это обозначение далеко не всегда используется и может восприниматься как само собой разумеющееся.

В современной африканской политике и экономике такие особенности течений ислама, как, например, суннитские представления о четырех «праведных халифах», отвергаемые шиитами, не играют существенной роли. В регионе широко распространена общемусульманская идентичность.

С исламом в целом, а не с отдельными течениями и мазхабами, связываются и цели жизни большинства мусульман, и их политическая позиция, например, по отношению к Израилю.

6 Ибадиты Северной Африки в наши дни также считают себя одним из мазхабов.

7 Sunan Abi Dawud. Kitab al-Malahim. Hadith 4302. URL: <https://sunnah.com/abudawud:4302>

При этом принадлежность организации к определенной богословской традиции не означает, что именно эта принадлежность составляет основу ее публичной идентичности: салафитские движения, суфийские тарикаты или исламистские объединения (например, **Братья-мусульмане**⁸) могут состоять преимущественно из суннитов, но позиционировать себя прежде всего через собственную религиозно-реформистскую, политическую или организационную традицию. Лишь немногие исламские организации в странах Африки позиционируют себя как шиитские, еще реже – суннитские.

Ключевую роль в практической деятельности исламских организаций играют особенности национальной политической системы.

Жизнь мусульман напрямую зависит от того, кто управляет мечетями и школами, кто контролирует паломничество (хадж, умра), пятничную хутбу⁹ и обязательные пожертвования (закят).

Среди практически значимых вопросов можно, например, выделить определение начала Рамадана, которое имеет особое значение для мусульман. Наблюдение за луной и принятие решения о начале Рамадана в тех странах, где ислам – государственная религия, принимается не отдельными имамами, а ведомством, которое наделено таким правом. В Алжире такое решение выносит **Министерство по делам религии и вакфов**. В других странах это право принадлежит общенациональным объединениям, таким как **Ассоциация малагасийских мусульман** (Fikambanan'ny Silamo Malagasy, FSM) или **Высший совет мусульман Танзании** (Baraza Kuu la Waislamu Tanzania, BAKWATA). Подобные объединения пользуются поддержкой со стороны государств и де-факто признаются как «официальные» представители ислама, но, как правило, де-юре не подчиняются какому-либо министерству.

В то же время вопрос о начале Рамадана нередко становился предметом конфликта между условно официальными мусульманскими институтами и альтернативными исламскими движениями. Показателен в этом отношении пример Танзании, где с конца 1990-х гг. вопрос о наблюдении за луной и определении дат религиозных праздников регулярно становился частью более широкой полемики о государственном контроле над исламом. В то время как поддерживаемые государством структуры настаивали на ориентации на местное наблюдение за луной, представители альтернативных исламских организаций, как правило салафитского толка (**Ансар ас-Сунна**, букв. сподвижники Сунны), выступали за следование «универсальному» саудовскому или мекканскому времени, связывая это с особым религиозным статусом Саудовской Аравии и Мекки.

Подобные советы и ассоциации организуют также и предоставление базовых общественных услуг населению. В Уганде, к примеру, **Высший совет мусульман Уганды** (Uganda Muslim

Supreme Council, UMSC, координирует мусульманские организации в стране и взаимодействие их с государством) управляет 1114 начальными школами, 130 средними школами, пятью университетами, 61 медицинским учреждением и четырьмя радиостанциями¹⁰.

В большинстве стран Африки деятельность религиозных организаций находится под контролем министерств по делам религий, министерств внутренних дел и других силовых структур. В некоторых странах Африки при этом ислам воспринимается властями как питательная среда для экстремизма и терроризма, что накладывает отпечаток на восприятие любых исламских организаций.

Враждебное отношение к исламу, например, в Анголе (заккрытие мечетей, отказ в официальной регистрации мусульманским объединениям¹¹),

⁸ Организация признана террористической и запрещена на территории Российской Федерации.

⁹ Хутба – религиозная проповедь или речь, которую имам читает в мечети во время пятничной молитвы и в дни мусульманских праздников.

¹⁰ Uganda Muslim Supreme Council. UMSC Strategic Plan 2023–2033. URL: <https://umsc.or.ug/wp-content/uploads/2026/04/UMSC-Strategic-plan-2023-2033-2.pdf>

¹¹ В 2013 г. Минюст Анголы отклонил заявки на регистрацию 194 религиозных организаций. В 2018–2019 гг. в ходе полицейской операции «Операция спасения» (Operação Resgate) было закрыто 46 мечетей. По состоянию на 2025 г. в Анголе не было официально зарегистрированных мусульманских организаций

вероятно, связано именно с внешним медийным фоном; в этой стране нет активно действующих джихадистских организаций, а мусульманская община в стране не превышает 1% населения. В странах Сахеля и на севере Мозамбика деятельность вооруженных джихадистских организаций приводит к усилению контроля за исламскими благотворительными, образовательными и проповедническими структурами со стороны государственных органов.

Джихадистские, террористические и экстремистские группировки Африки широко известны за пределами континента. Многие из них присягают на верность международным террористическим сетям, прежде всего «аль-Каиде»¹² и «Исламскому государству»¹³, а некоторые используют и их «бренды»: так, часть «Союзных демократических сил» (Allied Democratic Forces, ADF) в ДР Конго и Уганде с 2020 г. стала называться **Центрально-африканским вилайетом ИГ**. Данные движения, как правило, отвергают саму идею светского государства и выступают за ликвидацию правящих постколониальных режимов, опираясь на лозунги «джихада на пути Аллаха». В большинстве случаев подобные организации находятся под санкциями ООН, Европейского союза и отдельных государств, включая Российскую Федерацию.

На территории, контролируемой властями, джихадисты действуют подпольно, но нередко используют исламские организации, признанные властями и действующие в таких сферах, как благотворительность. Так, к примеру, в Восточной Африке зарегистрированные организации, такие как филиал саудовского фонда **аль-Харамейн**¹⁴ (al-Haramain Foundation¹⁵, под санкциями СБ ООН с 2004 г. из-за связей с международными террористическими сетями),

Многие признанные государством «умеренные» исламские организации связаны с тарикатами – суфийскими братствами.

Очаги активности джихадистских группировок в Африке, 2025 г.

Источник: Центр изучения Африки НИУ ВШЭ на основе данных ACLED.

кенийский **Мусульманский молодежный центр** (Muslim Youth Centre)¹⁶ и танзанийский **Мусульманский молодежный центр Ансар** (Ansaar Muslim Youth Centre)¹⁷ фигурировали в материалах ООН в 2000–2010-х гг. как структуры, через которые велись сбор средств и вербовка для сомалийского движения «аш-Шабаб»¹⁸ и связанных с «аль-Каидой»¹⁹ международных террористических сетей. Границы между радикальными и умеренными исламскими организациями могут зависеть от политической ситуации и от позиции конкретных исламских лидеров (шейхов, имамов).

12 Организация признана террористической и запрещена на территории Российской Федерации.

13 Организация признана террористической и запрещена на территории Российской Федерации.

14 Организация признана террористической и запрещена на территории Российской Федерации.

15 United Nations Security Council. Al-Haramayn Foundation (Kenya). URL: https://main.un.org/securitycouncil/en/sanctions/1267/aq_sanctions_list/summaries/entity/al-haramayn-foundation-%28kenya%29

16 Reuters. EXCLUSIVE-Kenyan Muslim networks fund al Shabaab-UN report. URL: <https://news.trust.org/item/20110728115100-spr7a/>

17 United Nations Security Council. Somalia report of the Monitoring Group on Somalia and Eritrea submitted in accordance with resolution 2002 (2011). URL: <https://docs.un.org/en/S/2012/544>

18 Организация признана террористической и запрещена на территории Российской Федерации.

19 Организация признана террористической и запрещена на территории Российской Федерации.

Обычно тарикаты не выдвигают собственных политических программ, но поддерживают «своих» кандидатов на президентских и парламентских выборах.

Влияние тарикатов на политику ограничивает внутренняя конкуренция между шейхами, которая может привести к расколу связанных с тарикатами партии, как это уже произошло с партией Умма и юнионистами в Судане. На выборах 2024 г. в Сенегале Муридия не поддержала одного кандидата.

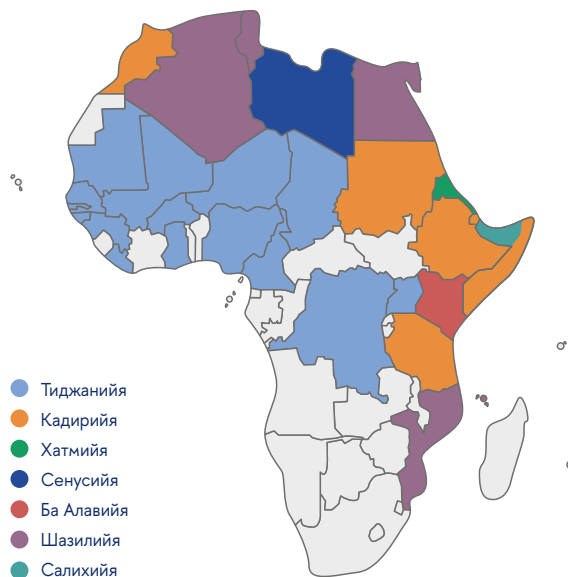
Кроме того, крупнейший тарикат по числу последователей не всегда становится самым влиятельным в политической системе. Так, муриды составляют лишь 30% мусульманского населения Сенегала, тогда как их влияние на политику значительно превышает влияние более многочисленной Тиджанийи.

Позиции тарикатов оспариваются африканскими салафитами.

Сторонники этого течения, которых в СМИ и политической риторике нередко называют «ваххабитами», хотя такое обозначение не всегда корректно и обычно не используется ими как самоназвание, позиционируют себя как привер-

женцев ислама **«праведных предков»** (ас-салаф ас-салих), очищенного от нововведений (бид'а) и остатков локальной доисламской традиции – к которым суфизм, как правило, более терпим.

Крупнейшие тарикаты по странам Африки

Данные носят приблизительный характер. Тарикаты не представляют собой централизованной структуры и функционируют через многочисленные национальные и региональные ответвления.

Источник: Центр изучения Африки на основе открытых источников.

Вероятно, самое заметное исключение из этого правила – Сенегал. В этой стране в переписях населения учитывается не только религия, но и принадлежность к основным тарикатам. Самый влиятельный тарикат, **Муридия** (муриды) во главе с халифами из семьи **Мбаке**, в последние десятилетия доминировал в сенегальской политике. Президент **Абдулай Вад** (2000–2012) назвал себя «первым президентом-талибе» (учеником, приверженцем муридов). Важную роль в экономике страны играют особое отношение муридов к труду, а также их международная активность и прозелитизм за пределами континента. Политическая деятельность муридов вызвала реакцию со стороны других тарикатов прежде всего братства **Тиджанийя** во главе с семьей **Ньяс**, влиятельной в Западной и Центральной Африке, а также в некоторых регионах Судана. Приверженцы этого тариката также стали создавать собственные политические партии, такие как **Фронт патриотических альянсов** (Front des alliances patriotiques, FAP). Еще один яркий пример влияния тарикатов на политику – Республика Судан, где братство Тиджанийя традиционно связано с левыми силами, включая коммунистов. На тарикат **Хатмийя** опираются суданские юнионисты; ансары (духовные наследники махдистов) стали опорой партии **Умма**. Однако, в отличие от Сенегала, суданские тарикаты не поддерживают «свои/дружественные» партии публично.

Часть салафитов встала на путь радикализации, но большинство смогли наладить связи с государством. Одно из самых влиятельных салафитских объединений – нигерийская **«Джама'ат Изалат аль-Бид'а ва-Икамат ас-Сунна»** или, коротко, «Изала» (общество борьбы за отмену нововведений и восстановление Сунны). При поддержке фондов и университетов Саудовской Аравии **«Изала»** заняла лидирующие позиции в таких сферах, как перевод Корана на нигерийские языки. Кроме того, по данным самой организации, под ее контролем находились более 5 тыс. школ (источники, связанные с самой организацией, указывают цифру в 4,6 млн учащихся²⁰ по всей Нигерии на 2020 г., однако независимое подтверждение подобных данных затруднено)²¹. Как и тарикаты, салафитские объединения тяготеют к «семейному» руководству. Например, такую роль в «Изале» играет семья **Гуми**.

И тарикаты, и салафитские исламские организации пользуются внешней поддержкой, особенно в сфере благотворительности. И те, и другие давно и широко используют помощь многомиллионной африканской диаспоры за пределами континента прежде всего в Европе, Северной Америке и странах Залива. Под контролем государств Залива были созданы фонды и связанные с ними международные организации, оказывающие влияние на деятельность исламских организаций и мусульманских общин в странах Африки. Масштабы соответствующих финансовых потоков могут составлять десятки миллионов долларов в год только в отдельных странах: например, саудовский **Центр гуманитарной помощи короля Салмана** (KSRelief) в 2024 г. реализовывал проекты в Судане общей стоимостью около 190 млн долл., а в Сомали – ок. 255 млн долл. В некоторых случаях их деятельность способствует укреплению салафитских организаций, хотя это прямо не декларируется.

Помимо салафитских и суфийских (или связанных с тарикатами) исламских организаций, в странах Африки, как правило, в бывших британских владениях, заметную роль играют ассо-

циации, связанные с движением ахмадийя. Это движение (Мусульманский джамаат ахмадийя, AMJ) зародилось в Британской Индии в конце XIX в. и получило затем распространение в Гане, Гамбии, Нигерии, Кении, Танзании, Уганде, а также в ДР Конго и Камеруне. Его успех был связан не только с хорошо организованной миссионерской работой, но и с открытием школ, медицинских и издательских структур. Ахмадийские школы сочетают исламское образование с преподаванием английского языка и светских дисциплин, предоставляют мусульманским семьям альтернативу христианским миссионерским школам. При этом движение достаточно быстро стало опираться на местных африканских проповедников, учителей и руководителей общин, а не только на миссионеров из Южной Азии.

Формально практически все последователи движения входят в глобальный халифат с центром в Великобритании. В африканских странах сторонники движения позиционируют себя как мусульмане (Ahmadi Muslims). Такая позиция контрастирует с практикой, сложившейся в Пакистане, где ахмадийя не рассматривается как часть мирового ислама и запрещена законом. В последние годы под влиянием пакистанских богословов противники ахмадийя требуют признать их неисламским движением и запретить в таких странах, как Гамбия и Гана.

Приверженцы движения ахмадийя активны в сфере благотворительности, реализуют ряд программ по развитию образования и здравоохранения, открытые для студентов и пациентов, принадлежащих к любым религиозным традициям. В 1970 г. движением ахмадийя был сформирован **Nusrat Jehan Reserve Fund** для финансирования школ и медицинских учреждений прежде всего в Западной Африке: к 1978 г., по данным самой общины, объем пожертвований достиг примерно 384–480 тыс. долл. В дальнейшем эта инфраструктура существенно расширилась: в 2025 г. 41 клиника в 14 африканских странах оказали помощь более 500 тыс. пациентов, около 700 школ работали в 13 странах.

20 Brief History and Fact of Jama'atu Izalatul Bid'a. URL: <https://aliyufavor001.blogspot.com/2020/07/brief-history-and-fact-of-jamaatu.html>

21 Leadership News. JIBWIS Set To Establish Private Varsity In Bauchi. URL: <https://leadership.ng/jibwis-set-to-establish-private-varsity-in-bauchi/>

Одним из крупнейших специализированных проектов ахмадий стал **Masroor Eye Institute** в Уагадугу (Буркина-Фасо), строительство которого было начато в 2017 г. по инициативе халифа ахмадийе Мирзы Масрура Ахмада – на данную инициативу британским отделением ахмадийе Majlis Ansarullah UK было выделено ок. 1 млн фунтов стерлингов (ок. 1,3 млн долл.)²².

В 1995 г. джамаатом была создана благотворительная организация **Humanity First**, международная структура которой зарегистрирована в Великобритании и занимается гуманитарной помощью, здравоохранением, образованием, водоснабжением и другими проектами. По состоянию на середину 2020-х гг. ее образовательная сеть в странах Африки включала 37 школ с более чем 6,6 тыс. учащихся. В 2024 г. доход британского операционного подразделения **Humanity First UK** составил около 3,5 млн долл. (практически полностью из пожертвований), расходы – около 2,6 млн долл., в т.ч. около 2,4 млн долл. на благотворительную деятельность. Относительно небольшие публично заявленные бюджеты ахмадийских благотворительных структур не вполне отражают масштабы их деятельности. Социальная инфраструктура движения финансируется через несколько организационных каналов, местные общины и национальные подразделения, а значительная часть ресурсов предоставляется в форме недвижимости, волонтерского труда и иных неденежных вкладов. В результате денежные расходы центральных фондов могут быть значительно меньше бюджетов сети учреждений.

Африканские исламские организации, публично декларирующие свою приверженность шиизму, активизировались после исламской революции 1979 г. в Иране.

Среди политически заметных организаций – **Исламское движение в Нигерии** (Islamic Movement in Nigeria, IMN), численность которого,

по разным оценкам, составляет от двух до четырех миллионов человек); движение неоднократно подвергалось репрессиям со стороны властей. Шиитская **Мусульманская миссия имени Биляля**²³ (Bilal Muslim Mission) действует прежде всего в Кении и Танзании. Организация формировалась вокруг шиитов-двунадесятников ходжа (индийского происхождения), танзанийское отделение организации было основано в 1964 г., кенийское – в 1971 г. Миссия занимается религиозным обучением, распространением литературы, социальной работой, проектами водоснабжения и улучшения санитарных условий в районах, сталкивающихся с засухами и нехваткой базовой инфраструктуры. После иранской революции Организация исламской пропаганды Ирана установила тесные связи с миссией.

В основном в сфере благотворительности действуют организации исмаилитов, влиятельных в Восточной Африке. Исмаилитское сообщество представлено преимущественно в замкнутой индийской общине, обычно закрытой для большинства африканцев (включая мечети). Наиболее заметная структура – **Aga Khan Development Network** (AKDN), принадлежащая фонду **Ага-Хана**, имама исмаилитов-низаритов²⁴. Главная организация зарегистрирована и базируется в Швейцарии.

В 2026 г. бюджет AKDN на некоммерческие проекты развития во всем мире составлял более 1,3 млрд долл. Масштабы ее африканских операций исчисляются сотнями миллионов долларов: только коммерческие предприятия AKDN в Кении генерируют свыше 940 млн долл. выручки в год, а стоимость, к примеру, созданной при участии **Aga Khan Fund for Economic Development** (AKFED) ГЭС Бужагали в Уганде – около 900 млн долл.

22 Majlis Ansarullah UK. Masroor Eye Institute // Ansaruddin. September–October 2020. URL: https://ansaruddin.org.uk/wp-content/uploads/2021/02/Sep-Oct-20_Eng_V2c.pdf

23 Название организации отсылает к Билялю ибн Рабаху – сподвижнику пророка Мухаммада, освобожденному эфиопскому рабу, традиционно считающемуся первым муэдзином в исламе.

24 Ага-Хан – титул духовного лидера (имама) исмаилитов-низаритов, одной из сект внутри шиитского ислама. Исмаилитское сообщество в странах восточной Африки представлено преимущественно лицами индийского происхождения. Ага-Хан V, Шах Рахим аль-Хусейни (с февраля 2025 г.), – гражданин Швейцарии.

В отличие от многих исламских благотворительных организаций, связанных с фондами стран Залива, для проектов AKDN и исмаилитов в целом не характерен прямой прозелитизм, однако они позволяют исмаилитским структурам присутствовать в Африке через проекты развития в менее конфликтной для светских государств форме.

AKDN обычно позиционируется как институт развития, не ограниченный рамками религиозной общины (non-denominational): организация официально ставит своей целью «улучшать качество жизни людей независимо от их происхождения, вероисповедания

или пола» и действует в 8 африканских странах: Кении, Мадагаскаре, Мозамбике, Руанде, Танзании, Уганде, Кот-д'Ивуаре и Египте. AKDN включает ряд специализированных структур, работающих

в сферах здравоохранения, образования, подготовки кадров, жилищной и городской инфраструктуры, культуры и сохранения исторического наследия, микрофинансирования, сельского развития, гуманитарной помощи. Программы сети финансируются за счет частных пожертвований, религиозных взносов, включая закят, прибыли **AKFED**, отвечающего за предпринимательскую деятельность, а также грантов, партнерств с государствами, международными организациями, частным сектором и благотворительными фондами.

Наиболее заметное присутствие сети Ага-Хана на континенте связано с Восточной Африкой.

Первые образовательные структуры, связанные с Ага-Ханом, появились на Занзибаре еще в 1905 г., а первая больница на территории колониальной Танганьики – в 1929 г.

Транснациональный ислам в Африке

Во второй половине XX в. в исламском мире возникли ключевые транснациональные институты, сформировавшие инфраструктуру для взаимодействия мусульманских общин по всему миру, в т.ч. и в Африке. Одной из первых организаций стала Всемирная мусульманская лига (1962), выступавшая инструментом «мягкой силы» Саудовской Аравии и действовавшая через строительство мечетей, медресе и поддержку исламских ассоциаций. Существенное влияние оказали и исламские НПО: Всемирная ассамблея мусульманской молодёжи, Африканское мусульманское агентство (1981, Кувейт), а также поддерживаемая Ливией Международная организация исламского призыва. С 2004 г. важную роль стала играть Международная ассоциация мусульманских учёных (IUMS) во главе с Юсуфом аль-Кардави. В результате к концу XX в. африканские мусульмане получили доступ к широкой глобальной сети – от образовательных возможностей (университет Медины в Саудовской Аравии, аль-Азхар в Египте, университет Омдурмана в Судане, образовательные учреждения Кувейта, Катара, Индонезии, Ирана, Пакистана и т.д.) до зарубежной литературы, благотворительных проектов и новых форм религиозной мобилизации.

Главным каналом влияния этих сетей стала подготовка новых религиозных кадров. Через стипендии, учебу за рубежом, книги, конференции и поддержку местных ассоциаций внешние исламские организации меняли, помимо прочего, и круг авторитетов, к которым обращались молодые имамы, проповедники и активисты. Трактовки ислама, с которыми африканские студенты сталкивались в странах обучения, зачастую противоречили устоявшейся традиции их родной страны. Кроме того, саудовские, кувейтские, катарские и прочие сети поддерживали школы, мечети, выдавали стипендии, поддерживали издание специализированной литературы, в результате чего в ряде стран усиливались салафитские, антисуфийские и реформаторские течения.

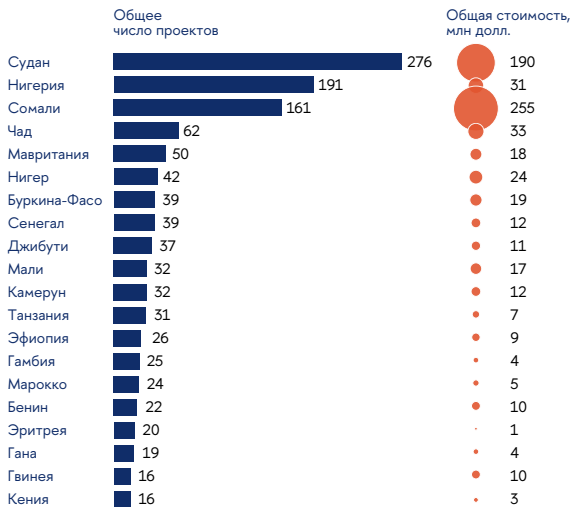
К примеру, на Занзибаре после революции 1964 г. значительная часть старых улемов была изгнана или утратила прежние позиции, а традиционная система исламского обучения оказалась подорвана антирелигиозной политикой революционного правительства. После отхода от этой линии в конце 1970-х гг. новые религиозные кадры стали готовиться за рубежом, прежде всего в Саудовской Аравии и странах Персидского залива. Вернувшиеся выпускники часто приносили с собой более строгие, не характерные в целом для Африки, интерпретации религии. Многие лидеры реформистских и политических исламских движений конца XX – начала XXI вв. получили образование именно в таких центрах. На архипелаге за частью этих реформаторов в общественном дискурсе закрепилось ироничное²⁵ название **watu wa bidaa** – «люди нововведения».

Помимо теологической составляющей, внешнее исламское влияние также связано и с крупными проектами развития и гуманитарной помощи. **Организация исламского сотрудничества** (ОИС) объединяет 57 государств, из них 27 находятся в Африке. **Исламский банк развития** учрежден в 1973 г. при ОИС, в 2024 г. объем одобренного финансирования группы банка составил 13 млрд долл.; на Африку южнее Сахары пришлось 22,5% этой суммы, или ок. 3 млрд долл.²⁶ Среди крупных благотворительных структур, активных в Африке, также выделяются Islamic Relief Worldwide (Великобритания), Direct Aid (Кувейт), Qatar Charity (Катар) и Центр гуманитарной помощи короля Салмана (KSRelief, Саудовская Аравия).

На 2026 г. в Танзании медицинская сеть включает две больницы – в Дар-эс-Саламе и Мванзе – и 26 медицинских центров в 14 регионах страны. В Кении медицинская сеть Ага-Хана включает три больницы – в Найроби, Кисуму и Момбасе, медицинский центр в Кисии и сеть амбулаторных медицинских центров. В образовательной сфере особое значение имеет университет Ага-Хана, основанный в Пакистане в 1983 г. и расширивший деятельность на Восточную Африку в 2000 г. В феврале 2026 г. Университет Ага-Хана выпустил 375 специалистов в Уганде, Танзании и Кении по направлениям медицины, сестринского дела, образования и медиа²⁷.

Сеть Ага-Хана встроена в западную донорскую среду. В 2014 г. Фонд Ага-Хана США и USAID запустили в Кении четырехлетнюю программу **Yetu Initiative** стоимостью 6 млн долл., направленную на поддержку местных организаций гражданского общества. В 2020 г. Европейский союз и AKDN запустили программу реагирования на последствия COVID-19 в Восточной Африке, охватывающую Кению, Танзанию, Уганду и Мозамбик.

Страны Африки с наибольшим числом проектов, реализованных KSRelief, 2026 г.

Источник: Центр изучения Африки НИУ ВШЭ на основе данных KSRelief.

В 2026 г. Фонд Ага-Хана и Франция объявили о четырехлетней программе стоимостью ок. 7 млн долл. по борьбе с гендерным насилием в Мозамбике.

²⁵ Ирония заключалась в том, что данные реформисты, с точки зрения большинства мусульманского населения Занзибара, клеймили «инновацией» большинство тех элементов, которые глубоко укоренились в локальной исламской практике, сами становясь, таким образом, «инноваторами».

²⁶ Islamic Development Bank. 2024 Annual Report: Chapter 1, IsDB Group Activities. URL: https://2024.arisdb.org/wp-content/uploads/2025/05/IsDB_AR24_Chapter1_EN_web.pdf

²⁷ Aga Khan Development Network. Aga Khan University honours graduates across East Africa in landmark convocation season. URL: <https://the.akdn/en/resources-media/whats-new/news-release/aga-khan-university-honours-graduates-across-east-africa-in-landmark-convocation-season>

Исламская экономика в Африке

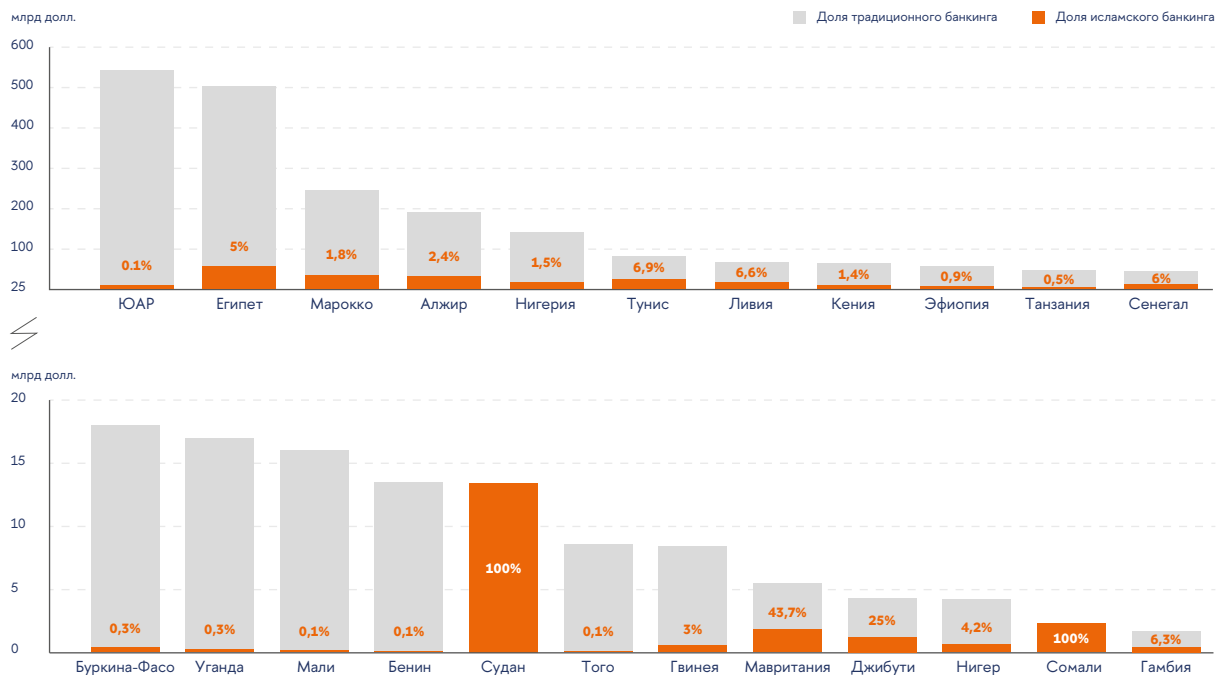
Наиболее широко известные элементы религиозной экономики в целом – исламские финансы и исламское предпринимательство. Африка сыграла заметную роль в развитии исламских финансов. Именно на континенте появились первый в мире исламский банк – **Мит Гамр** в Египте – и страховая компания **Islamic Insurance Company** в Судане. В 1970–1990-е гг. континент стал своеобразной лабораторией для исламских финансовых институтов, однако в XXI в. Африка уже занимает далеко не лидирующие позиции в этой сфере²⁸.

Несмотря на значительное мусульманское население и интерес к альтернативным финансовым инструментам, потенциал Африки в секторе исламских финансов реализован лишь частично.

Исключением долгое время оставался Судан, где финансовая система была формально приведена в соответствие с исламским правом в период правления **Омара аль-Башира** (1993–2019) и партии **Национальный конгресс**, связанной с братьями-мусульманами²⁹.

Доля Африки южнее Сахары в мировой исламской финансовой системе на 2025 г. остается незначительной и составляет 0,7%, совокупные активы – 14,3 млрд долл. Северная Африка учитывается в статистике, как правило, внутри более широкой категории «Ближний Восток и Северная Африка»³⁰ без учета членов Совета сотрудничества государств Персидского залива с долей в 16,4%. Основной вклад в эту категорию дают крупные ближневосточные рынки, особенно Иран, а в самой Северной Африке исламские финансовые институты развиты относительно слабо.

Доля исламского банкинга в совокупных банковских активах по странам, 2025 г.

Источник: Центр изучения Африки НИУ ВШЭ на основе данных Islamic Financial Services Board и финансовой отчетности банков.

28 Беккин, Р. И. Исламская экономическая модель и современность. 2-е изд., испр. и доп. М.: Издательский дом Марджани, 2010. 352 с.

29 Организация признана террористической и запрещена на территории Российской Федерации.

30 Среди стран континента данная категория включает Алжир, Египет, Марокко, Тунис и Ливию, ни в одной из них доля исламского банкинга в общем объеме банковских активов не превышает 7%.

С учетом Северной Африки, по расчетам Центра изучения Африки, общая доля континента на глобальном рынке исламских финансов находится приблизительно на уровне 1,6–1,7%. При этом Африка южнее Сахары на 2025 г. демонстрирует самый высокий среди регионов мира совокупный среднегодовой темп роста исламского банкинга за последние пять лет – 25%³¹.

Даже государства с небольшой долей мусульманского населения в последние годы стремятся использовать и регулировать исламские финансовые инструменты.

Это связано с диверсификацией внешних экономических связей, привлечением инвестиций и программ помощи из стран Персидского залива, развитием малого и среднего бизнеса, выпуском сукука и поиском дополнительных источников финансирования развития инфраструктуры. В странах с мусульманским большинством исламские финансы также могут способствовать легализации части теневой экономики, поскольку некоторые

предприниматели и домохозяйства предпочитают пользоваться инструментами, соответствующими их религиозным представлениям.

На 2025 г. исламские финансовые институты были представлены в 27 странах континента: Алжире, Бенине, Буркина-Фасо, Гамбии, Гвинее, Гвинее-Бисау, Джибути, Египте, Замбии, Кении, Кот-д'Ивуаре, Ливии, на Маврикии, Мавритании, Мали, Марокко, Нигере, Нигерии, Сенегале, Сомали, Судане, Того, Тунисе, Танзании, Уганде, Эфиопии и ЮАР, а также в Сомалиленде. На 2024 г. в Африке действовало 104 исламских банка и 28 исламских банковских окон в обычных банках. В 12 государствах выпускали сукук³²: Бенин, Того, Танзания, Гамбия, Нигерия, Сенегал, Кот-д'Ивуар, ЮАР, Судан, Мали, Марокко и Египет.

В более широком смысле в исламскую экономику можно включить религиозные праздники и паломничества.

Отдельное место в исламской экономике занимает халяль-сертификация. Значение данной процедуры связано прежде всего с контролем производственной цепочки: состава продукта, происхождения сырья, способа забоя, хранения, транспортировки и разделения производственных линий. В странах с мусульманским большинством халяль обычно оформляется через государственные или окологосударственные структуры стандартизации. В Алжире национальная халяльная марка находится в ведении **Алжирского института стандартизации**; соответствующие стандарты разрабатывались совместно с **Министерством по делам религии и вакфов**. В Марокко сертификацию для внутреннего рынка ведет **Марокканский институт стандартизации**, а проверка предприятий проводится с участием представителя **Высшего совета улемов**. Для стран с мусульманским меньшинством, к примеру, для Кении, халяль-сертификация важна прежде всего для экспорта. Национальная служба аккредитации **KENAS** в 2024 г. включила халяльную проверку в систему экспортных стандартов, ориентируясь на требования стран Персидского залива к продукции и органам сертификации. Это касается продуктов питания, напитков, фармацевтики и косметики – секторов, где халяльный сертификат нужен для поставок на рынки Ближнего Востока и Юго-Восточной Азии.

31 Islamic Financial Services Board. Islamic Financial Services Industry Stability Report 2026. URL: <https://www.ifsb.org/wp-content/uploads/2026/06/IFSR-2026.pdf>

32 Сукук (ед.ч. сакк, букв. акт, документ) – аналог облигаций в исламской экономической модели. Представляют собой документ/сертификат, дающий право владельцу на долю в праве общей собственности на базовый актив, пропорциональную величине вложенных средств. Сукук обеспечивает негарантированный доход за счет прибыли финансируемого мероприятия.

Суфийские зияраты и мавлиды (празднование дня рождения пророка Мухаммада, отвергаемое салафитами) на несколько дней превращают города проведения в сезонные рынки.

В эти периоды растет спрос на междугородние перевозки, топливо, питание, воду, временное жилье, мобильную связь, денежные переводы, скот для забоя, санитарные услуги, охрану и религиозные товары. Для религиозных организаций такие события служат способом продемонстрировать численность последователей, собрать пожертвования, подтвердить авторитет лидеров и связать разрозненные общины с формальным центром.

Примером одного из крупнейших исламских паломничеств в Африке служит **Великий Магал** в г. Туба (**Màggalug Tuuba**) в Сенегале. Оно связано с тарикатом Муридийя и памятью основателя братства шейха **Амаду Бамба**. Праздник ежегодно отмечается с 1928 г. на 18-й день месяца сафар, второго месяца исламского календаря. Эта дата связана с годовщиной ссылки Амаду Бамба в Габон французскими колониальными властями и выбрана в соответствии с его завещанием; для муридов этот период важен как подтверждение духовной стойкости шейха. Туба – исторический центр тариката, где расположена Великая мечеть с мавзолеем Амаду Бамба. Масштаб Магала значительно превышает обычную численность населения города. Население Тубы составляет около 1,1 млн человек, при этом в 2025 г. число паломников достигло рекордных 6,5 млн³³. Экономический эффект Магала, по исследованию 2016 г., оценивается примерно в 400 млн долл.; средние расходы одного паломника – ок. 170 долл.³⁴

Вакуфная собственность и государственный контроль над исламом

Отдельное место в религиозной экономике мусульманских стран Африки занимают **вакфы** – имущество, земля, недвижимость или финансовые средства, переданные на религиозные, благотворительные и иные общественно полезные цели. Формально вакф должен использоваться в соответствии с волей его учредителя, однако в современных государствах Северной Африки управление крупнейшими портфелями вакуфной собственности в значительной степени перешло под контроль государственных органов. В результате вакф представляет собой крупный сегмент земельной, имущественной и инвестиционной политики государства.

В Египте современная система централизованного управления вакфами складывалась на протяжении XIX–XX вв. В период аграрных и социальных реформ середины столетия **Гамаль Абделя Насера** (1956–1970) семейные вакфы были фактически демонтированы, а управление значительной частью благотворительной вакуфной собственности постепенно сосредоточилось в государственных учреждениях. Сегодня система имеет двухуровневую структуру. **Министерство вакфов Египта** отвечает прежде всего за религиозную деятельность – управление и содержание мечетей, организацию проповеди, религиозного образования и благотворительных программ. Имущественными активами непосредственно распоряжается **Египетское управление по делам вакфов** (Egyptian Awqaf Authority, EAA) – подведомственная Министерству организация. Она управляет землями, недвижимостью, денежными средствами и корпоративными активами благотворительных вакфов, инвестирует их и перечисляет 75% получаемого дохода Министерству, оставляя 25% в качестве платы за управление.

33 West Africa Voice Network. Senegal's 2025 Grand Magal of Touba draws record 6.58 million participants. URL: <https://www.wavn.org/senegals-2025-grand-magal-of-touba-draws-record-6-58-million-participants/>

34 Magal Touba. Sénégal: à Touba, le Grand Magal et les milliers de fidèles mourides réunis dopent l'économie. URL: <https://magal-touba.org/2025/08/12/senegal-a-touba-le-grand-magal-et-les-milliers-de-fideles-mourides-reunis-dopent-leconomie/>

Масштабы вакуфной собственности в Египте значительны. В 2018 г. президент **Абд аль-Фаттах ас-Сиси** оценивал стоимость вакуфных активов примерно в 10 млрд долл.; по данным инвентаризации того же года вакуфный портфель включал 114 тыс. объектов и около 500 тыс. федданов сельскохозяйственных земель и садов (ок. 210 тыс. га)³⁵. К 2023–2024 гг. представители Министерства оценивали рыночную стоимость вакуфной собственности выше 60 млрд долл.³⁶ Только с июля по декабрь 2024 г. Управление получило около 1,5 млрд египетских фунтов доходов – примерно 35 млн долл. по среднему курсу 2024 г.³⁷

Вакфы в Египте фактически управляются как крупный государственный имущественный портфель. Управление сдает сельскохозяйственные земли и фермы в аренду, инвестирует средства в государственные казначейские бумаги, владеет долями в банках и компаниях, реализует жилищные проекты и привлекает частных инвесторов к освоению принадлежащей ему недвижимости. В августе 2024 г. оно объявило о подготовке 31 земельного участка в 11 регионах для реализации совместных экономических проектов с государственными и частными компаниями. Один из инструментов такой деятельности – **National Group for Awqaf Investments**, созданная в 2013 г. как инвестиционное подразделение ЕАА. В группу входят компании, занимающиеся управлением недвижимостью, строительством, развитием сельскохозяйственных и городских территорий, экологическими услугами и др. В 2024/25 ф.г. она выполняла 22 контракта общей стоимостью около 104 млн долл. для Управления вакфов, Министерства вакфов, Министерства жилищного строительства и других государственных заказчиков.

Министерство вакфов Египта контролирует мечети в рамках системы, созданной еще в XIX в. Министерство заботится о сиротах, контролирует преподавание Корана, занимается изучением

вопросов исламского права, руководит деятельностью Египетского управления по делам вакфов. Управление по целевым фондам Коптской православной церкви выполняет сходные функции, но министерству вакфов не подчиняется (имеет статус самостоятельного юридического лица и управляется советом во главе с коптским патриархом, состав совета утверждается президентом Египта, а финансовая деятельность контролируется Центральной аудиторской организацией государства). Среди аффилированных с министерством организаций – **Высший совет по исламским делам, Фонд закята, Высший совет суфийских тарикатов**. Например, в Высшем совете суфийских тарикатов зарегистрированы 67 из 77 тарикатов, действующих в Египте. Великого шейха суфийских тарикатов назначает президент Египта. Часть членов совета избирается, часть назначается правительством. Высший совет суфийских тарикатов выступал против президента **Мухаммада Мурси** (2012–2013), опиравшегося на братьев-мусульман³⁸, и поддерживал приход к власти действующего президента Абд аль-Фаттах ас-Сиси.

В Алжире государственная система управления вакфами имеет иную историю. Неотчуждаемость вакуфных земель была отменена еще в эпоху французского колониального правления; с тех пор вакфы находятся под контролем государства. До 2021 г. вакуфное имущество управлялось непосредственно **Министерством по делам религии и вакфов**, с 2021 г. была создана специализированная подведомственная организация – **Управление вакфов и закята** (Direction des affaires religieuses et des wakfs d'Alger). Управление занимается выявлением и возвращением вакуфной собственности, ее юридическим оформлением и регистрацией, ведением реестра, сдачей жилых и коммерческих помещений и сельскохозяйственных земель в аренду, сбором платежей, ремонтом имущества и его инвестиционным использованием.

35 Youm7. URL: <https://www.youm7.com/story/2018/1/1/%D8%AA%D8%B9%D8%B1%D9%81-%D8%B9%D9%84%D9%89-%D8%AD%D8%AC%D9%85-%D8%A3%D9%85%D9%88%D8%A7%D9%84-%D9%88%D8%B2%D8%A7%D8%B1%D8%A9-%D8%A7%D9%84%D8%A3%D9%88%D9%82%D8%A7%D9%81-%C3%97-30-%D9%85%D8%B9%D9%84%D9%88%D9%85%D8%A9/3576258>

36 Al Jazeera. URL: <https://www.aljazeera.net/ebusiness/2025/6/3/concerns-egypt-endowment-assets>

37 Al-Ahram. URL: <https://gate.ahram.org.eg/daily/NewsPrint/967403.aspx>

38 Организация признана террористической и запрещена на территории Российской Федерации.

В 2025 г. в Алжире учитывалось около 15,9 тыс. вакуфных объектов. Из них примерно 4,8 тыс. были переданы управлению вакфов и закята. В его портфель входили, в частности, 1570 земельных участков, 1 398 торговых помещений, 100 офисов и 22 склада³⁹. К 2025 г. в аренде находились 3552 объекта; но поступления от их эксплуатации за 2024 г. составили всего лишь ок. 2,7 млн долл.

Алжирское правительство также предпринимает попытки цифровизации данного направления: к 2025 г. через платформу **Nadhara** были оцифрованы 4155 базовых досье на переданную Управлению собственность. Помимо прочего, цифровые услуги министерства включают приложения для смартфонов, позволяющие осуществить пожертвование онлайн, электронные фетвы, записи Корана.

Само Министерство по делам религии и вакфов Алжира получает значительное бюджетное финансирование – эквивалент 466 млн долл., согласно закону о бюджете 2026 г.; в мае 2026 г. на программу религиозного руководства дополнительно было выделено 6,3 млн долл.⁴⁰

Кроме того, министерство занимается руководством религиозной жизнью граждан, включая регулирование названий мечетей, издание фетв, определение начала Рамадана, разрешения на публикацию Корана, организацию хаджа. Официально в функции министерства входит «распространение подлинной исламской культуры в Алжире, а также управление религиозными делами и сохранение национального религиозного наследия, характеризующегося умеренностью и централизмом». Государство последовательно продвигает в качестве государственной религиозной нормы суннитский ислам маликитского мазхаба суфийской традиции.

Христианские организации в Африке

Католическая церковь

С началом португальских завоеваний (эпоха Открытий, с 1415 г.) началось распространение католицизма в странах Африки. В 1491 г. принял христианство правитель (маниконго) древнего Конго **Нзинга**, на территории современных Анголы, Республики Конго и ДР Конго. **Жуан I** официально стал «братом» португальских монархов. В XVI–XVII вв. католическое присутствие развивалось главным образом в зонах португальского влияния: в Королевстве Конго, Анголе, в островных и прибрежных торговых пунктах атлантического побережья Западной Африки, а также в отдельных португальских фортах на восточно-африканском побережье.

Однако эти миссии сильно зависели от поддержки местных правителей, португальской короны и торгово-колониальной инфраструктуры, поэтому их влияние оставалось ограниченным прибрежными территориями, а религия не укоренилась в широких слоях населения. Новый этап начался в XIX в., когда вместе с расширением европейского колониального присутствия активизировались миссионерские ордена и конгрегации, открывавшие церкви, больницы и семинарии. Такая активность была вызвана и распространением протестантизма, популярного у африканцев, особенно в период борьбы за независимость, к примеру, португальских колоний. В колониальный период церковь стала ключевым институтом, участвовавшим в формировании местных элит.

Ответом католической церкви на деколонизацию стал **Второй Ватиканский собор** 1962–1965 гг., взявший курс на обновление, расширение роли местных епископатов, использование национальных языков в литургии и адаптацию церковной практики к местным культурам.

39 El Massa. URL: <https://www.el-massa.com/dz/%D8%A7%D9%84%D8%AD%D8%AF%D8%AB/%D8%A8%D9%86%D9%83-%D9%84%D9%84%D8%A7%D8%B3%D8%AA%D8%AB%D9%85%D8%A7%D8%B1-%D8%A7%D9%84%D9%88%D9%82%D9%81%D9%8A-%D9%88%D8%B5%D9%86%D8%A7%D8%AF%D9%8A%D9%82-%D8%A7%D8%B3%D8%AA%D8%AB%D9%85%D8%A7%D8%B1%D9%8A%D8%A9-%D8%AD%D9%84%D8%A7%D9%84>

40 Journal officiel de la République algérienne. № 44. Décret présidentiel № 26-185 du 12 mai 2026. 18 juin 2026. P. 5. URL: <https://www.joradp.dz/FTP/jo-francais/2026/F2026044.pdf>

В результате усилился процесс африканизации католицизма: росло число местных священников и епископов, развивались национальные епископские конференции, а африканские католические общины постепенно превращались из объекта миссионерской деятельности в самостоятельного участника глобальной церковной политики.

В современном контексте католическая церковь – одна из наиболее институционально оформленных христианских структур в Африке.

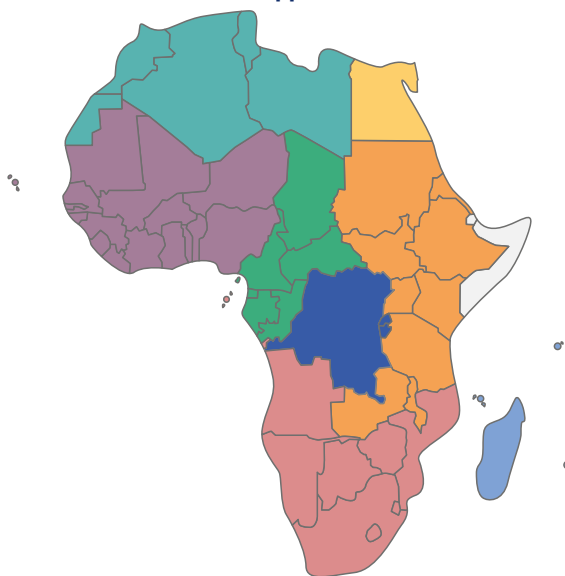
Число католиков в Африке увеличилось примерно с 206 млн в 2013 г. до более чем 288 млн в 2024 г. – т.е. более чем на 80 млн человек⁴¹.

Доля Африки среди всех католиков мира за тот же период выросла с 16% до 20%, закрепив за континентом статус одного из главных центров роста мирового католицизма.

Общеафриканским координационным органом в католической иерархии выступает **Симпозиум епископальных конференций Африки и Мадагаскара** (Symposium of Episcopal Conferences of Africa and Madagascar, SECAM). SECAM был учрежден в 1969 г. по результатам Второго ватиканского собора и объединяет 8 региональных структур. С 2015 г. между SECAM и Африканским союзом действует меморандум о взаимопонимании, в феврале 2026 г. сторонами был подписан обновленный документ. Ключевые обозначенные в нём направления – права человека, вопросы мира, социальной сплоченности, экономической справедливости и развития человеческого капитала.

По данным Ватикана за 2023 г., в Африке насчитывалось 770 католических епископов, 55 тыс. священников (38 тыс. епархиальных и 16,5 тыс.

Региональные структуры SECAM в Африке

- Ассоциация епископских конференций Центральной Африки
- Ассоциация епископских конференций региона Центральной Африки
- Региональная епископская конференция Западной Африки
- Ассамблея католической иерархии Египта
- Ассоциация епископских конференций Восточной Африки
- Межрегиональная встреча епископов Южной части Африки
- Мадагаскар и Епископская конференция Индийского океана
- Региональная епископская конференция Северной Африки

Источник: Центр изучения Африки НИУ ВШЭ на основе данных SECAM.

монашествующих), 84 тыс. монахинь, 35 тыс. учащихся семинарий, 8282 мирянина-миссионера и 467 тыс. катехизаторов⁴². Последняя категория особенно важна для Африки: при нехватке священников катехизаторы ведут религиозное обучение, помогают в сельских приходах, участвуют в подготовке к таинствам и поддерживают связь между приходом и местными общинами. При этом кадровая нагрузка остается высокой: в Африке в 2024 г. приходилось около 5 тыс. католиков на одного священника, тогда как в Европе – немного более 1,8 тыс.⁴³

41 Vatican News. New data of Annuario Pontificio 2026 shows Catholics growing in Africa. URL: <https://www.vaticannews.va/en/vatican-city/news/2026-03/new-data-from-annuario-pontificio-2026-shows-catholics-growing.html>

42 Fides News Agency. Catholic Church Statistics 2025. URL: <https://press.vatican.va/content/dam/salastampa/it/fuori-bollettino/pdf/EN%20-%20Catholic%20Church%20Statistics%202025.pdf>

43 Vatican News. New data of Annuario Pontificio 2026 shows Catholics growing in Africa. URL: <https://www.vaticannews.va/en/vatican-city/news/2026-03/new-data-from-annuario-pontificio-2026-shows-catholics-growing.html>

В то же время и в самом Ватикане растет число и значение африканских священнослужителей: по состоянию на 2025 г. Святой Престол насчитывал 28 кардиналов африканского происхождения, из них 14 сохраняют право участия в конклаве.

Католическая церковь – крупный работодатель: в Африке в связанных с ней учреждениях заняты свыше 500 тыс. человек. Этот показатель особенно важен в условиях высокой безработицы во многих странах континента, поскольку речь идет не только о собственно религиозных должностях, но и о занятости в школах, университетах, больницах, социальных и благотворительных учреждениях. При этом для части работников, прежде всего катехизаторов и иных служителей на местном уровне, религиозная деятельность может сочетаться с другими источниками занятости и не всегда быть основной профессией.

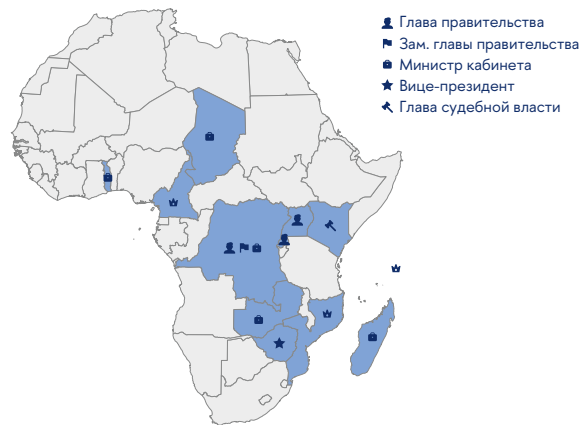
Образование остается одним из ключевых каналов влияния католической церкви на континенте.

По состоянию на 2024 г. в Африке действовали 21 тыс. католических дошкольных учреждений, в которых обучались 3 млн детей, 45 тыс. начальных школ с 21 млн учащихся и 18 тыс. средних школ с 7 млн учащихся; 778 старших школ с 177 тыс. учеников и 228 высших учебных заведений с 278 тыс. студентов⁴⁴. Католическая школа в ряде стран остается каналом получения качественного образования, особенно для городского среднего класса и семей, стремящихся обеспечить детям доступ к высшему образованию и государственной службе. В сельской местности церковная школа часто связана с приходом, медицинским пунктом, интернатом и инфраструктурой для оказания помощи.

В некоторых странах государство прямо использует католические сети для расширения доступа к медицине.

Например, в Малави с 2006 г. действуют соглашения между Министерством здравоохранения и Christian Health Association of Malawi, по которым учреждения этой сети предоставляют ряд базовых услуг сельскому населению без взимания платы с пациентов, а государство возмещает расходы.

Руководители, получившие образование в католических институтах на 2026 г.

Источник: Центр изучения Африки НИУ ВШЭ на основе открытых источников.

По состоянию на 2024 г. в Африке работали 1634 католические больницы, 4973 диспансера, 189 лепрозориев, 652 дома для престарелых, хронически больных и людей с инвалидностью, 1151 сиротский дом и 1186 других благотворительных учреждений⁴⁵. Эти учреждения, как правило, работают по смешанной финансовой модели: часть средств поступает от пациентов, часть – от церковных структур, международных доноров и государственных субсидий.

44 Fides News Agency, Catholic Church Statistics 2025. URL: <https://press.vatican.va/content/dam/salastampa/it/fuori-bollettino/pdf/EN%20-%20Catholic%20Church%20Statistics%202025.pdf>

45 Ibid.

Отдельную роль в деятельности католиков в Африке играют монашеские ордена. Так, **салезианцы Дона Боско (Общество св. Франциска Сальского)** присутствуют в 42 африканских странах; их африканская сеть делится на восточно-южноафриканский блок из 21 страны и центрально-западноафриканский блок из 21 страны. В Африке под контролем салезианцев функционирует около 100 школ, 80 центров профессионального обучения, 200 молодежных центров, 7 центров работы с беженцами, 10 медицинских учреждений и четыре радиостанции. Отдельное направление их работы – предоставление профессионально-технического образования. В Кении, к примеру, **Don Bosco Boys Town** в Найроби действует с 1984 г. как технический институт с двухлетними программами по электротехнике, сантехнике, кладке, механике, сварке, столярному делу и швейному производству; в ЮАР **Salesian Institute** в Кейптауне работает с 1910 г. и занимается образованием, временным размещением и подготовкой к трудоустройству бедных и безработных подростков. Данное направление координируется НКО **Don Bosco Tech Africa**, созданной в 2014 г.; она объединяет 118 центров профессионально-технического обучения в 34 странах Африки.

Орден иезуитов (Общество Иисуса) представлен в 38 странах Африки и насчитывает более 1,5 тыс. членов на континенте. Исторически иезуитское образование имело особое значение в подготовке африканских элит. Через образовательные учреждения, связанные с иезуитами, прошли такие постколониальные африканские лидеры, как, например, президенты **Филибер Циранана** (1959–1972) и **Дидье Рацирака** (1976–1993, 1997–2002) на Мадагаскаре, **Мишель Микомберо** (1966–1976), **Жан-Батист Багаза** (1976–1987) и **Сиприен Нтарьямира** (1994) в Бурунди и **Роберт Мугабе** (1987–2017) в Зимбабве. Среди современных глав государств Африки с иезуитским образованием можно выделить президента ДР Конго **Феликса Чисекеди** (2017 – н.в.).

Католическая церковь всегда участвует в политической жизни тех стран, в которых у нее есть многочисленная паства, таких как Южный Судан, ДР Конго, Малави, ЦАР и португалоязычные государства Африки. Так, в ДР Конго **Национальная епископская конференция Конго (CENCO)** была одним из посредников при заключении соглашения 31 декабря 2016 г. между правительством **Жозефа Кабилы** (2001–2019) и оппозицией, после истечения его второго президентского срока в декабре 2016 г., известного как **Соглашение святого Сильвестра** (Accord de la Saint-Sylvestre). Оно предусматривало проведение выборов до конца 2017 г., отказ Кабилы от участия в новом президентском цикле и формирование переходного правительства. Реализация соглашения затянулась до декабря 2018 г. На выборах 2018 г. CENCO направила более 40 тыс. наблюдателей и провела собственную параллельную проверку

результатов. В Малави в 2024 г. Епископская конференция выпустила письмо **The Sad Story of Malawi**⁴⁶ с резкой критикой правительства **Лазаруса Чакверы** (2020–2025).

Кроме того, католические структуры зачастую задают «моральную рамку» общественным дискуссиям по вопросам семьи, гендера и аборт, занимая наиболее консервативную позицию. Самым заметным эпизодом последних лет стала реакция африканских епископов на декларацию **Fiducia supplicans** (взывая к доверию), опубликованную Дикастерией доктрины веры в декабре 2023 г. и одобренную папой Франциском, первым папой-иезуитом. Документ допускал краткие пастырские благословения для пар в «нерегулярных» ситуациях, включая однополые пары, но не признавал такие союзы браком и не менял католическое учение о браке.

46 Archdiocese of Lusaka. The Sad Story of Malawi: Pastoral Letter of the Catholic Bishops of the Episcopal Conference of Malawi. URL: <https://lusakaarchdiocese.org/wp-content/uploads/2024/02/Pastoral-Letter-ECM-A5-English-Edit.pdf>

После критики со стороны епископов из разных регионов, в т.ч. из Африки, 4 января 2024 г. Дикастерия уточнила, что применение декларации может зависеть от местного правового и культурного контекста. 11 января 2024 г. SECAM заявил, что в католических церквях Африки благословения однополых пар совершаться не будут. Заявление было опубликовано с согласия папы Франциска. Подобные примеры, помимо прочего, свидетельствуют и о растущей международной субъектности африканских католиков и их способности влиять на глобальную религиозную повестку.

Во франкоязычной Африке вместе с французским колониальным присутствием распространилось и масонство.

Несмотря на то, что масонство исторически находилось в сложных, нередко конфликтных отношениях с католической церковью, для части образованной элиты оно выступало альтернативным каналом социальной и политической самоорганизации. Первые ложи создавались европейскими чиновниками, военными и предпринимателями и непосредственно входили во французские послушания, прежде всего **Великий восток Франции** (Grand Orient de France, GODF) и **Великую ложу Франции** (Grande Loge de France, GLDF).

Например, в Кот-д'Ивуаре первая ложа Великого востока Франции была создана в Абиджане в 1930 г.; после деколонизации состав лож постепенно африканизировался, а часть из них превратилась в самостоятельные национальные объединения. С конца XX в. особенно заметную роль приобрела **Великая национальная ложа Франции** (Grande Loge Nationale Française, GLNF), при содействии которой создавались или получали международное признание «регулярные» великие ложи ряда франкоязычных государств. Связь с Францией при этом не означает прямого управления африканскими ложами из Парижа: национальные послушания

формально самостоятельны, однако сохраняют отношения признания, взаимных визитов, посвящений и личные связи с французскими «братьями», среди которых всё более заметны представители диаспор.

В Кот-д'Ивуаре, например, конкуренция между «регулярными» структурами, связанными с GLNF, и либеральными ложами, ориентированными на GODF, фактически воспроизводила разделение, существовавшее во французском масонстве⁴⁷. Особенностью ряда стран Западной и Центральной Африки стало тесное переплетение масон-

ских структур с политическими элитами. Наиболее наглядны примеры Габона и Республики Конго. Президент Габона **Омар Бонго** (1967–2009) возглавлял

местные масонские структуры; после его смерти пост великого мастера Великой ложи Габона занял его сын и преемник **Али Бонго** (2009–2023), после переворота августа 2023 г. положение изменилось: 10 февраля 2024 г. великим мастером был официально установлен **Жак-Дени Цанга**, давний представитель государственной элиты эпохи Бонго.

Президент Республики Конго **Дени Сассу-Нгессо** также занимает пост великого мастера Великой ложи Конго. Ложа Конго в свою очередь исторически связана с GLNF, представители которой участвовали в институциональном оформлении конголезского послушания.

На практике значение таких структур состоит в формировании и поддержании закрытых сетей доверия и кооптации, объединяющих президентов, министров, чиновников, военных, юристов и предпринимателей как внутри отдельных стран, так и через государственные границы. Членство в ложе может обеспечивать неформальный доступ к влиятельным лицам, валидировать посредничество, карьерные и деловые контакты, укреплять личные связи между африканскими и французскими элитами.

47 Akindès, F., Interview by Miran-Guyon, M. (2017). Freemasonry in Côte D'Ivoire, A Brief History of the Current Issues Interview With Francis Akindès. *Afrique contemporaine*, 263-264(3), 325-338. URL: https://www.researchgate.net/publication/367282677_FREEMASONRY_IN_COTE_D'IVOIRE_A_BRIEF_HISTORY_OF_THE_CURRENT_ISSUES_Interview_with_Francis_Akindès_Francis_Akindès

При этом французские послушания сами относятся к подобной практике неодинаково: представители Великого востока Франции, в частности, публично критиковали превращение масонства в инструмент президентской власти и деловых сетей. В то же время ложы могут выступать и площадками политического диалога: в 2013 г. одна из ивуарийских лож GODF обсуждала реформу законодательства о гражданстве, призванную урегулировать статус части давних иммигрантов и их потомков; результаты этих дискуссий были доведены до парламентариев перед принятием закона о приобретении гражданства по декларации⁴⁸.

Для обществ тропической Африки масонство оказалось понятным еще и потому, что закрытые объединения, инициация, возрастные и статусные тайные общества существовали здесь задолго до европейской колонизации.

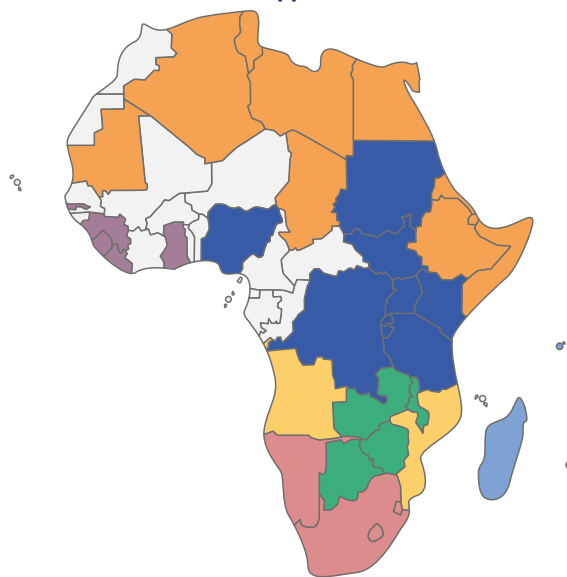
Англиканские церкви в Африке

Англиканство плотно укоренено в религиозном ландшафте континента. Его распространение исторически связано прежде всего с британским присутствием и происходило через несколько различных миссионерских сетей. Одной из старейших была **Society for the Propagation of the Gospel in Foreign Parts** (SPG), действовавшая на территории современной Ганы с середины XVIII в. В 1799 г. в Великобритании было создано **Church Missionary Society** (CMS), начавшее работу в Сьерра-Леоне в 1804 г. и впоследствии сыгравшее значительную роль в распространении англиканства в Нигерии, Кении, Танзании, Уганде, Судане, Конго и Руанде. В Восточной и Центральной Африке важную роль также играла **Universities' Mission to Central Africa** (UMCA), работавшая на Занзибаре, в районе озера Ньяса и на территории современного Мозамбика.

С самого начала значительную роль в распространении англиканства играли африканские священнослужители. **Филип Куэйк**, уроженец

Золотого Берега (современная Гана), в XVIII в. стал первым африканцем, рукоположенным в Церкви Англии. После обучения в Великобритании он стал священником и преподавал в Кейп-Косте. Еще более заметной фигурой стал йоруба **Самуэль Аджайи Кроутер**: освобожденный британским флотом с невольничьего судна в 1822 г., он получил образование в Сьерра-Леоне, стал миссионером, лингвистом и переводчиком, а в 1864 г. был рукоположен как первый африканский англиканский епископ. В Уганде англиканские миссионеры появились при дворе кабаки Буганды во второй половине XIX в.; впоследствии англиканство стало ведущей религиозной традицией страны.

Провинции Англиканской церкви в Африке

- Национальные церкви, представленные только в одной стране
- Англиканская провинция Александрии
- Провинция Центральной Африки
- Провинция Индийского океана
- Англиканская церковь Мозамбика и Анголы
- Провинция Западной Африки
- Англиканская церковь Южной части Африки

Источник: Центр изучения Африки НИУ ВШЭ на основе данных Anglican Communion Office.

Современное африканское англиканство не представляет собой единой церкви. На континенте действуют 15 автономных провинций Англиканского сообщества, объединяющих как национальные церкви, так и структуры сразу нескольких государств. Всего к середине 2020-х гг. они объединяют 460 епархий; особенно разветвлена структура Церкви Нигерии, где к февралю 2026 г. была создана 177-я епархия.

В отличие от Католической церкви, Англиканское сообщество не имеет единого административного центра, аналогичного Ватикану. Африканские провинции самостоятельно определяют устройство епархий, избирают епископов, распоряжаются имуществом и принимают внутренние церковные решения. Архиепископ Кентерберийский выполняет роль символического первого среди равных, однако не назначает африканских епископов. Связи с Великобританией сохраняются через исторические миссионерские общества, образовательные учреждения, партнерские программы и благотворительные организации, однако современные африканские церкви представляют собой самостоятельные институты, а не подразделения Церкви Англии.

Социально-экономическое значение англиканских церквей связано прежде всего с их разветвленной локальной инфраструктурой. Епархиям, приходам и связанным с ними организациям принадлежат или подчиняются земельные участки, школы, университеты, медицинские учреждения, семинарии, издательства, сельскохозяйственные проекты и коммерческая недвижимость. При этом совокупную стоимость этих активов установить практически невозможно: собственность распределена между сотнями епархий, приходов, трастов и отдельных юридических лиц. В сфере развития действуют специализированные структуры, например **Anglican Development Services Kenya** при Англиканской церкви Кении и **HOPE Africa** при Англиканской церкви ЮАР; их программы охватывают образование, здравоохранение и борьбу с бедностью.

Англиканские церкви традиционно заметны и в политической жизни ряда стран. Их влияние обычно

связано с общественным авторитетом епископов, разветвленной приходской сетью, школами и социальными учреждениями. В Уганде архиепископ **Джанани Лувум** стал одним из наиболее известных критиков режима **Иди Амина** и был убит в 1977 г. В Кении архиепископ **Дэвид Гитари** и другие англиканские епископы в 1980–1990-е гг. публично критиковали за авторитарность **Даниэля арапа Мои**. Наиболее известным африканским англиканским деятелем XX в. стал южноафриканский архиепископ **Десмонд Туту**, использовавший авторитет церкви и международные связи в борьбе против апартеида, а после его отмены возглавивший **Комиссию истины и примирения**. При этом политические позиции англиканских церквей не обязательно оппозиционные: в современной Уганде церковное руководство, например, публично поддерживало консервативную политику государства по вопросам семьи и однополых отношений.

В XXI в. африканские церкви стали также самостоятельным фактором мировой англиканской политики. Большинство крупнейших африканских провинций занимают более консервативные позиции по вопросам семьи, сексуальности и церковной дисциплины, чем Церковь Англии и ряд других западных церквей. Эти противоречия способствовали развитию созданного в 2008 г. движения **GAFCON** (Global Anglican Future Conference), в котором африканские предстоятели играют ключевую роль. В марте 2026 г. на встрече в Абудже связанные с GAFCON лидеры создали Global Anglican Council во главе с архиепископом Руанды **Лораном Мбандой** и призвали сторонников отказаться от участия в части структур, ориентированных на Кентербери. К движению примкнули и консервативные англикане Северной Америки: созданная в 2009 г. **Anglican Church in North America** (ACNA) объединила в основном общины и епархии, вышедшие из Епископальной церкви США и Англиканской церкви Канады на фоне богословских разногласий, прежде всего по вопросам гомосексуализма и церковной дисциплины, и стала одной из провинций, признаваемых GAFCON. При этом соответствующие африканские провинции продолжают одновременно фигурировать в составе исторического Англиканского сообщества.

Протестантские организации и движения

Исторически протестантские течения христианства в Африке развивались по линиям миссионерских школ, больниц, переводов Библии на местные языки и создания приходских сетей. Раннее протестантское присутствие в Африке было связано прежде всего с голландской Капской колонией, где в 1652 г. появилась реформатская церковная структура; первая же протестантская миссия среди местного населения была основана на территории современной ЮАР моравским миссионером **Георгом Шмидтом** в Генадендале в 1738 г.

Со второй половины XX в. наиболее динамичным направлением африканского протестантизма стало пятидесятничество и харизматическое христианство.

В колониальный период протестантские миссии зачастую формировали первые поколения африканских специалистов в медицине и образовании. Тогда как сильной стороной католиков при проникновении в Африку была единая разветвленная и организованная структура, протестанты, считавшие такую церковь чрезмерно дорогой и избыточной, делали основной упор на вовлечение местного населения в свою деятельность – для чего им, всё же, требовалось обеспечить подготовку кадров. Распространение различных протестантских деноминаций в Африке характеризовалось острой конкуренцией между ними, активной пропагандой, частыми расколами и перетоком верующих, а также тесными связями и взаимным влиянием с общинами в диаспорах за пределами Африки. Кроме того, в ряде стран протестантские движения носили выраженный антиколониальный характер.

Уже в конце XIX – начале XX вв. под влиянием миссионерского христианства начали возникать африканские независимые церкви. Их появление было связано с расовой иерархией в колониальных церквях, ограничением африканского духовенства и стремлением соединить христианство с элементами местных традиционных верований (формами пророчества,

исцеления и т.д.). К этому направлению относятся кимбангизм в ДР Конго, церкви **Аладура** в Нигерии и **Церковь Сиона** (Zion Christian Church) в ЮАР. В 1978 г. для таких движений оформилась общеафриканская площадка – **Organization of African Instituted Churches** со штаб-квартирой в Найроби. Влияние и активность подобных церквей всегда вызывали внимание силовых структур; еще в колониальную эпоху кимбангистов Конго обвиняли в связях с коммунистами и Москвой.

Рост этого сектора ускорился после деколонизации, а затем в 1980–1990-е гг. на фоне урбанизации, экономических кризисов, миграции в города и ослабления прежних общинных связей. Пятидесятнические церкви быстро распространялись в городской среде, поскольку могли открывать новые приходы без значительной инфраструктуры, опирались на харизматического пастора, эмоциональное богослужение, радио, телевидение, а позднее и социальные сети. В Гане, Нигерии, Кении, Замбии, ЮАР и Уганде пятидесятничество стало одной из основных форм современного протестантизма.

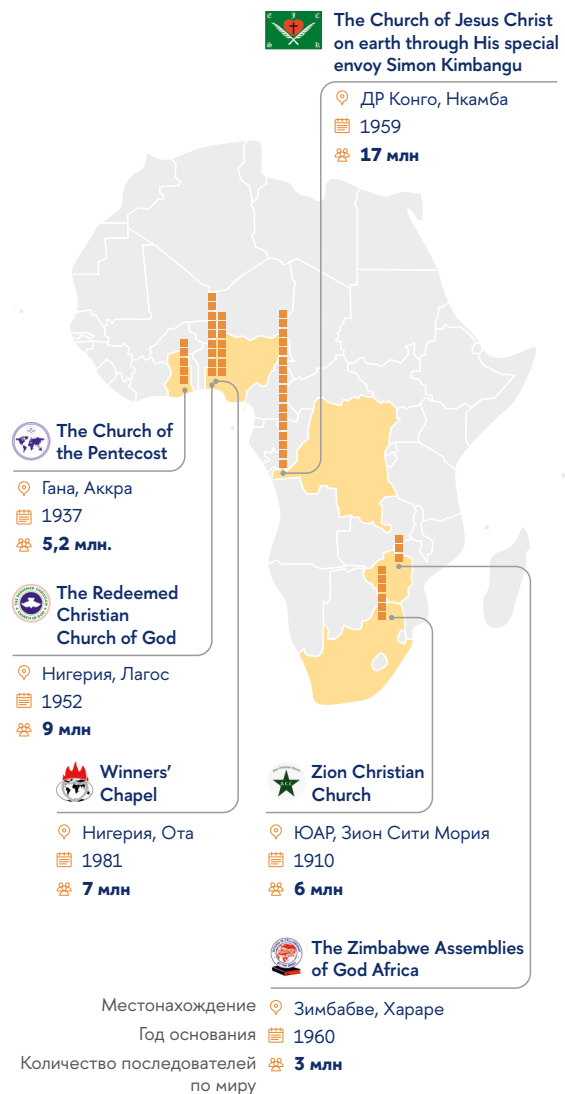
Историческая динамика данного направления фиксируется неравномерно, поскольку переписи и религиозная статистика зачастую используют разные категории: «пятидесятники», «харизматы», «евангелистские церкви», «рожденные заново», «африканские независимые церкви» и «иные христиане». Часть верующих посещает харизматические служения внутри англиканских или методистских структур, сохраняя прежнюю конфессиональную принадлежность. Двадцать лет назад число пятидесятников в Африке составляло 107 млн человек и около 40 млн харизматов внутри других церквей. По оценке World Christian Database, численность

пятидесятническо-харизматических христиан выросла с 23 млн человек в 1975 г. до 252 млн в 2025 г.⁴⁹

Пятидесятническо-харизматическое направление сложилось из нескольких линий. Классические пятидесятнические миссии пришли через западные организации (в первую очередь американские, находившиеся под большим влиянием афроамериканских объединений), такие как **Assemblies of God, Apostolic Faith Mission, Apostolic Church** и т.д. Африканские независимые церкви выросли из более ранних структур, отколовшихся от миссионерских организаций, и сохраняли больше связей с местными традиционными верованиями. Наконец, неопятидесятнические и харизматические церкви конца XX – начала XXI вв. развивались прежде всего в городских сообществах и строились вокруг сильного пастора, молитвенных съездов, медиа, проповеди успеха (т.н. prosperity gospel), предпринимательства и контактов с политическими элитами. Эта линия дала крупнейшие африканские «мегасети», такие как **Redeemed Christian Church of God (RCCG)** и **Winners' Chapel**, основанные в Нигерии.

Крупные пятидесятнические церкви постепенно переходят от модели молитвенного движения к более устойчивым институциональным формам. Это можно наблюдать на примере Church of Pentecost Ганы, которая к декабрю 2025 г. насчитывала 5,2 млн членов по всему миру, 28 тыс. общин и более 3,3 тыс. округов, из них около 4,5 млн членов – в самой Гане. Через Pentecost Social Services церковь управляет образовательными и медицинскими учреждениями, финансирует стипендии, профессиональное обучение и поддержку учащихся. В течение 2025 г. сама церковь направила на образовательные проекты около 2,1 млн долл., однако эта сумма не представляет собой полный бюджет сети: значительная часть текущих расходов конфессиональных школ финансируется государством, тогда как отдельные учреждения и территориальные структуры церкви располагают собственными доходами. К концу 2024 г. в образовательную сеть церкви входили 108 учреждений.

Крупнейшие пятидесятнические и харизматические религиозные организации Африки

Источник: Центр изучения Африки НИУ ВШЭ на основе открытых источников.

В Нигерии тот же процесс выражен через т.н. «мегаприходы»: по данным RCCG на 2026 г., церковь насчитывала более 9 млн членов (из них 5 млн – в Нигерии) и более 50 тыс. приходов по миру, в т.ч. и в России. Кроме того, пятидесятнические церкви активно развивают собственные медийные сети.

49 The Washington Post. URL: Africa is Catholicism's future, but Pentecostal churches are growing faster. URL: <https://www.washingtonpost.com/world/2026/05/24/africa-is-catholicisms-future-pentecostal-churches-are-growing-faster/>

Redeemed Christian Church of God в нигерийской политике

Политическое влияние пятидесятнических церквей обычно выражается через публичную религиозность. Пасторы в прямом эфире молятся за государство, принимают крупных политических деятелей на съездах, выступают по вопросам коррупции, семьи, школьного воспитания, аборт и т.п.

Показательный пример участия неопятидесятнических церквей в политике – нигерийская Исполненная христианская церковь Божья (RCCG). Церковь была основана в Лагосе в 1952 г. **Джосайей Олуфемии Акиндайоми**. После его смерти в 1980 г. ее возглавил **Енох Адебойе**, ранее переводивший проповеди основателя с йоруба на английский. При Адебойе RCCG резко расширила социальную базу, вышла за пределы среды йоруба и превратилась в централизованную приходскую сеть.

Площадки RCCG, в первую очередь из-за масштаба приходской сети, регулярно использовались федеральными политиками для контакта с христианской аудиторией юго-запада Нигерии. Службы Адебойе посещал **Олусегун Обасанджо** (глава государства во время военного правления в 1976–1979 гг., президент Нигерии в 1999–2007 гг.). Перед выборами 2010 и 2015 гг. на мероприятиях церкви часто появлялся **Гудлак Джонатан** (президент в 2010–2015 гг.). Отдельно нигерийские СМИ сообщали, что в 2007 г. **Умару Муса Яр’Адуа** (мусульманин из штата Кацина, президент в 2007–2010 гг.) также обращался к Адебойе за поддержкой.

Значительны также масштабы инфраструктуры RCCG: ежемесячные службы Holy Ghost Service, по данным самой церкви, собирают в среднем около 500 тыс. человек⁵⁰, а построенная для крупнейших съездов открытая арена в пригороде Лагоса имеет размеры около 3 × 3 км⁵¹.

Наиболее заметным представителем RCCG в федеральной политике стал **Йеми Осинбаджо**. Он был пастором RCCG, входил в круг Адебойе, в 1999–2007 гг. занимал пост генерального прокурора штата Лагос при **Боле Тинубу**, в тот период губернаторе штата Лагос (с 2023 г. – президент Нигерии). В 2015 г. Осинбаджо стал вице-президентом Нигерии при **Мухаммаду Бухари** (2015–2023). Его выдвижение стало наиболее заметным случаем присутствия RCCG в федеральной политике: фигура Осинбаджо позволила **All Progressives Congress** (APC, «Всеобщий прогрессивный конгресс») дополнить северную мусульманскую опору Бухари южным христианином, связанным с Лагосом и пятидесятнической средой, а церковь получила представителя в высшем руководстве страны. В то же время в 2015 г. церковь поддерживала и оппонента Бухари Гудлака Джонатана⁵², поскольку для церкви сохраняла значение перспектива сохранения христианина на посту президента. Такая конфигурация позволяла RCCG сохранить доступ к федеральной власти при обоих исходах выборов: через Джонатана в случае победы действующего президента или через Осинбаджо в случае победы Бухари.

Перед выборами 2023 г. RCCG отдельно институционально оформила политическое направление. В феврале 2022 г. церковь создала **Directorate of Politics and Governance**, задачами которого были политическое просвещение, содействие получению избирательных карт и координация членов RCCG, участвующих в политике. Через несколько месяцев, в апреле 2022 г., Осинбаджо объявил о выдвижении на президентских праймериз APC, однако после его поражения на праймериз, где Тинубу получил 1271 голос делегатов, а Осинбаджо 235, RCCG публично не поддержала ни одного кандидата.

50 RCCG. Our history. URL: <https://www.rccg.org/our-history/>

51 Redemption City of God. URL: <https://rccgteamnehemiah.org/>

52 LSE Blogs. Electoral Theologies: Pentecostal Pastors and the 2015 Presidential Election in Nigeria. URL: <https://blogs.lse.ac.uk/africaatlse/2015/12/16/electoral-theologies-pentecostal-pastors-and-the-2015-presidential-election-in-nigeria/>

Социальная привлекательность пятидесятнических церквей связана с их вниманием к повседневным проблемам городского населения. Болезни, бесплодие, безработица, бедность, неудачи в бизнесе, семейные конфликты и прочее объясняются через язык духовной борьбы, личной дисциплины и общинной поддержки. Приход дает регулярный круг общения, наставника, молодежные и женские группы, контакты для поиска работы, помощь при болезни, смерти родственников, оплате бытовых услуг.

Для мигрантов, мелких предпринимателей, приезжих студентов и занятых в неформальном секторе церковь зачастую становится одной из основных городских сетей доверия.

Тем не менее стоит отметить, что пятидесятнические и харизматические церкви нередко становятся объектами критики извне из-за коммерциализации религии, непрозрачности пожертвований,

обещаний исцеления и слабого финансового контроля. К примеру, в ЮАР эти вопросы стали предметом расследования конституционной **Комиссии по правам культурных, религиозных и языковых общин** (CRL Rights Commission). В 2015–2016 гг. комиссия провела слушания во всех девяти провинциях страны и опросила более 85 религиозных лидеров и традиционных целителей. В итоговом отчете 2017 г. указывались случаи, когда прихожане платили за молитвы, благословения и доступ к духовным лидерам; «освященные» вода и масло продавались с большой наценкой; футболки и полотенца предлагались как средства принесения удачи. Комиссия также отметила, что в отдельных организациях пожертвования не зачислялись на счет институции, а проходили через личный счет духовного лидера. В одном из приведенных случаев женщина заплатила порядка 250 тыс. южноафриканских рандов (ок. 19 тыс. долл.) за обещание исцеления от бесплодия⁵³.

Американские христианские организации в Африке

Американские христианские организации давно и активно работают в Африке. Многие из них действуют как крупные гуманитарные и миссионерские структуры: **Catholic Relief Services**, **World Vision**, **Compassion International** и **Samaritan's Purse** финансируют продовольственную помощь, клиники, школы, обеспечение доступа к чистой воде и т.д. Африка остается для этих организаций одним из ключевых направлений деятельности: по данным World Vision, в 2025 г. расходы на африканские программы составили около 1,4 млрд долл., т.е. примерно половину всех региональных расходов организации.

В отдельных случаях американские христианские организации влияли и на внешнеполитические решения Вашингтона, связанные с континентом. Наиболее показателен пример Южного Судана: американские евангелистские и католические сети через лоббистские структуры способствовали закреплению в Вашингтоне вопроса предоставления ему независимости как вопроса религиозной свободы и защиты южных христиан от «исламистского» правительства в Хартуме. Наиболее активен на данном направлении был миссионер **Франклин Грэхем**, президент евангелистской структуры **Samaritan's Purse**⁵⁴. Подобный лоббизм стал одним из факторов американской поддержки мирного процесса, который привел к соглашению 2005 г., референдуму 2011 г. и независимости Южного Судана.

53 CRL Rights Commission. Report of the Hearings on the Commercialisation of Religion and Abuse of People's Belief Systems. URL: https://www.gov.za/sites/default/files/gcis_document/201708/report-commercializationofreligionandabuseofpeoplesbeliefsystems.pdf

54 Agensky J. C. Religion, Refugees, and International Order: A Global History of Solidarity, Dislocation, and Reintegration in South Sudan // Global Studies Quarterly. 2024. Vol. 4. Issue 4. URL: <https://academic.oup.com/isagsq/article/4/4/ksae084/7908306>

Кроме того, с конца 1990-х гг. Африка стала одной из ключевых внешних площадок, где американские христианско-консервативные организации разворачивают кампании вокруг вопросов семьи, аборт, ЛГБТ⁵⁵, сексуального образования и родительских прав, что в некоторых случаях становится прямым переносом американского культурно-политического дискурса на африканский контекст. Наиболее показателен пример с законом против гомосексуализма в Уганде. В марте 2009 г. в Кампале прошел семинар с участием американских консервативных активистов, спустя несколько месяцев после которого депутат **Дэвид Бахати**, участник семинара, внес законопроект о резком ужесточении наказаний за однополые отношения и пропаганду гомосексуальности. В 2023 г. традиционалистская **Family Watch International** (США, штат Аризона): участвовала в координации активистов, продвигавших возвращение в повестку анти-ЛГБТ законодательства и оформление формулировок для его публичного продвижения.

Православные церкви в Африке

К крупнейшим православным церквям континента относятся **Эфиопская православная церковь Тэвахэдо**, **Эритрейская православная церковь Тэвахэдо** и **Коптская православная церковь Александрии**. Все три принадлежат к семье древневосточных православных церквей (Oriental Orthodox Churches), отделившейся от церквей византийской традиции после **Халкидонского собора 451 г.**

Прихожане этих церквей обычно относятся к Русской православной церкви как к братской. В то же время богословские традиции данных церквей и церквей византийской традиции имеют существенные различия. Теологическая граница между ними исторически связана с вопросом о природе Христа. Халкидонские церкви, включая Русскую православную церковь и греческий Александрийский патриархат, говорят о двух природах – божественной и человеческой – в единой личности Христа. Коптская, Эфиопская и Эритрейская церкви придерживаются миафизитской формулы Кирилла Александрийского о «единой воплощенной природе Бога Слова», при этом не отрицая ни полноты божественности, ни полноты человечности Христа. Само слово Тэвахэдо на языке геэз означает «ставшее единым», «объединенное» и подчеркивает именно нераздельность этого соединения.

Эфиопская церковь определяет его как единство божественной и человеческой природы «без поглощения, смешения, изменения или разделения».

Кроме того, обрядовая традиция Эфиопской и Эритрейской церквей сохраняет особенно выраженный ветхозаветный и ближневосточный пласт, благодаря чему ряд ее практик внешне сближает ее с иудаизмом и исламом сильнее, чем русское или греческое православие. К ним относятся мужское обрезание, пищевые ограничения, почитание субботы наряду с воскресеньем, ритуальные омовения, снятие обуви перед входом в храм, многочисленные земные поклоны и разделение мужчин и женщин во время богослужения.

Крупнейшая из этих церквей – **Эфиопская православная церковь Тэвахэдо (ЭПЦ)**. Последняя перепись Эфиопии 2007 г. насчитывала около 32 млн православных, или 43% населения. По оценке на 2025 г., население Эфиопии составляет около 135 млн человек; при механическом пересчете доли 2007 г. это давало бы около 59 млн православных, однако данная оценка носит условный характер и не учитывает параллельный рост иных религиозных течений в стране.

55 Признано экстремистским, деятельность запрещена на территории Российской Федерации.

В каноническом отношении ЭПЦ – автокефальная дохалкидонская православная церковь. До середины XX в. она административно зависела от Коптской православной церкви Александрии в Египте; самостоятельная эфиопская патриархия была оформлена в 1959 г. Во главе церкви с 2013 г. находится **Абуна Матфий I**, патриарх и католикос Эфиопии, архиепископ Аксума, ичеге престола святого Такла Хайманота. Высший орган церковного управления – Священный синод, в который входят патриарх, архиепископы и епископы ЭПЦ.

До марксистской революции 1974 г. ЭПЦ имела статус государственной церкви. После прихода к власти **Дерга** этот статус был упразднен, а национализация земли лишила церковь значительной части прежней экономической базы. После 1991 г., уже при **Эфиопском народно-революционном демократическом фронте**, пришедшем к власти после свержения Дерга, – ЭПЦ смогла восстановить свободную религиозную деятельность, однако прежний статус государственной церкви ей возвращен не был.

Отношения ЭПЦ с правительством Абия Ахмеда остаются противоречивыми. В 2018 г. премьер способствовал примирению церковного синода в Аддис-Абебе с эмигрантским синодом, однако после создания Партии процветания отношения ухудшились. Недоверие усилили война в Тыграе (патриарх Абуна Матфий – выходец из Тыграя), конфликт в Амхаре и особенно церковный кризис 2023 г. в Оромии, когда группа оромских епископов попыталась создать альтернативный синод, а часть православных обвинила власти в его негласной поддержке; во время противостояния государство ограничивало доступ к социальным сетям, использовавшимся церковью для мобилизации. При этом ЭПЦ не стала формальной оппозиционной силой и продолжает взаимодействовать с властями, но ее отношения с федеральным центром можно характеризовать как взаимный кризис доверия.

Финансовая отчетность ЭПЦ, которая бы включала пожертвования, доходы от аренды и т.д., отсутствует в открытом доступе. Наиболее заметная часть церковной экономики связана с деятельностью **EOTC-DICAC – Development and Inter-Church Aid Commission**, комиссии ЭПЦ по развитию и межцерковной помощи, созданной в 1972 г. для реализации гуманитарных проектов церкви. В 2023 г. её годовой бюджет составлял 661,4 млн быров (ок. 12 млн долл. по среднему официальному курсу 2023 г.); общий фонд проектов составлял 108,7 млн быров (ок. 2 млн долл.).

Коптская православная церковь – крупнейшая христианская организация Египта. Коптский патриарх Александрийский **Феодор II** в 2023 г. оценивал численность коптов внутри страны примерно в 15 млн человек, 3 млн коптов проживают за пределами Египта, прежде всего в США, Европе, Канаде и Австралии. Госдепартамент США в 2023 г. оценивал численность коптов в Египте примерно в 9–10 млн человек⁵⁶.

От Эфиопской церкви в свою очередь отделилась **Эритрейская православная церковь Тэвахэдо**. После получения Эритреей независимости ее церковь добилась автокефалии при содействии Коптского патриархата в 1994 г., а первый эритрейский патриарх был избран в 1999 г. Всемирный совет церквей указывает около 2 млн членов и 1,5 тыс. приходов. С января 2025 г. церковь возглавляет шестой патриарх **Абуна Басилиос**.

Отдельную ветвь представляет **греческий Александрийский патриархат**, относящийся уже к византийскому православию и находящийся в евхаристическом общении с большинством других поместных православных церквей; с 2019 г. его отношения с Русской православной церковью находятся в состоянии разрыва из-за признания Александрийским патриархатом Православной церкви Украины.

56 U.S. Department of State. 2023 Report on International Religious Freedom: Egypt. URL: <https://www.state.gov/reports/2023-report-on-international-religious-freedom/egypt/>

Христианские организации как экономические акторы в Африке

В христианском контексте религиозные организации также выступают крупными владельцами активов, работодателями и участниками коммерческих проектов. Так, Церковь Уганды (член Англиканского сообщества) владеет компанией Church Commissioners Holding Company Limited (CCHL), созданной для централизованного управления церковными активами. Ее ключевым проектом стал 16-этажный офисный центр **Janani Luwum Church House** в центре Кампалы. Строительство здания стоимостью около 17 млн долл. началось в 2010–2011 гг. и было завершено в 2018 г. Основным кредитором стал **Equity Bank Uganda** – угандийская дочерняя структура кенийской **Equity Group Holdings**: банк профинансировал около 70% проекта, тогда как оставшиеся 30% покрывались за счет средств Церкви Уганды. В 2024 г. Церковь Уганды погасила строительный заем, после чего банк передал ей правоустанавливающий документ на объект. По состоянию на март 2026 г. здание было заполнено на 86%⁵⁷. При этом портфель CCHL не ограничивается офисной недвижимостью: компания также владеет гостиницами, базами отдыха, книжными магазинами, типографиями, издательскими домами и иными активами.

Стоит отметить, что объем непосредственно контролируемых религиозными организациями активов незначителен по сравнению с активами в руках религиозных деятелей. Так, состояние основателя нигерийской Living Faith Church Дэвида Ойедепо еще в 2011 г. Forbes оценивал примерно в 150 млн долл.⁵⁸

Другим направлением церковной экономической активности становятся агропромышленные проекты. В июле 2025 г. **Католическая епархия Форт-Портала** в Уганде представила пятилетнюю кофейную стратегию, предполагающую создание около 50 приходских кооперативов по модели малых хозяйств площадью 13 га.

В тот же период **Англиканская епархия Северной Уганды** распределила между приходами 100 тыс. саженцев кофе. Схожая программа была запущена в епархии Кигези в ноябре 2025 г., где приходам передавались саженцы коммерческого сорта Хасс (Hass avocado). Эти инициативы вписываются и в более широкую государственную повестку коммерциализации малых хозяйств. Власти Уганды рассматривают религиозных лидеров как посредников, способных распространять такие модели через приходские и общинные сети. В 2025 г. Церковь Уганды получила от государства более 4 тыс. правоустанавливающих документов на земельные участки.

Значительными имущественными активами располагает, к примеру, Коптская православная церковь. **Управление целевых фондов Коптской православной церкви** (Coptic Orthodox Endowments Authority) создано в 1960 г. и обладает правосубъектностью. Оно контролирует учет доходов и расходов, использование и распределение доходов от земельной и иной недвижимости коптских вакфов. По данным самой церкви, Управление контролирует около 4667 федданов земли – порядка 1 960 га – в составе примерно 337 целевых фондов.

Отдельный элемент коптской экономики – монастырские хозяйства. Например, монастырь **Святого Макария Великого в Вади-эн-Натруне** получил в 1978 г. 1 тыс. федданов пустынной земли (около 420 га) для сельскохозяйственного освоения. Уже к началу 1980-х гг. хозяйство приобрело промышленный масштаб: в 1982 г. была создана автоматизированная птицеферма проектной мощностью до 12 млн яиц в год, развивались молочное животноводство и механизированное растениеводство. Впоследствии монастырь создал мощности по переработке фиников и производству молочных продуктов; сегодня продукция коптских монастырей – оливки и оливковое масло, молоко и сыры, мед, мясная продукция и др. – реализуется не только паломникам, но и через магазины и онлайн-торговлю в крупных городах.

57 Nile Post. Church of Uganda Advances Sustainability Agenda at Board of Trustees Meeting. URL: <https://nilepost.co.ug/news/328724/church-of-uganda-advances-sustainability-agenda-at-board-of-trustees-meeting>

58 Forbes. The Five Richest Pastors In Nigeria. URL: <https://www.forbes.com/sites/mfonobongsehe/2011/06/07/the-five-richest-pastors-in-nigeria/>

Религиозные организации также участвуют в развитии взаимного кредитования. В Анкольской епархии Церкви Уганды с 2012 г. действует кредитно-сберегательный кооператив **Millennium SACCO**. Его значение связано, помимо прочего, с ограниченным доступом к банковскому и формальному кредитованию. Общая финансовая включенность в Уганде по состоянию на 2023 г. достигала 81%, формальная – 68%, а финансово исключенными оставались 19% взрослых. На этом фоне кооператив привлекает депозиты и выдает кредиты на более выгодных условиях по сравнению со среднерыночными: средняя ставка по кредиту в банках – 18,2%, SACCO – 10–15%. К концу 2024 г. его паевой капитал составлял 7,3 млрд угандийских шиллингов (ок. 2 млн долл.), а объем сбережений – 13,3 млрд (ок. 3,6 млн долл.)⁵⁹. Millennium SACCO демонстрирует экономическую устойчивость и, по данным епархии, обеспечивает держателям паев выплаты на уровне более 30%⁶⁰.

В некоторых случаях связанные с церковью структуры превращаются в полноценные финансовые институты. В 2015 г. Католическая архиепархия Найроби учредила **Caritas Microfinance Bank** – депозитный микрофинансовый банк, выросший из приходской системы сберегательных групп. К концу 2024 г. его активы достигли ок. 36 млн долл., а объем привлеченных депозитов – ок. 31 млн долл.; банк обслуживал более 27 тыс. активных депозитных счетов.

Кроме того, как и в случае с исламскими празднованиями, христианские паломничества и церковные собрания также формируют сезонные рынки и составляют важную часть религиозной экономики в широком смысле. К примеру, в ЮАР пасхальное паломничество последователей **Zion Christian Church** ежегодно приносит значительные доходы провинции Лимпопо. Место паломничества находится в Сион **Сити Мория**,

где расположена штаб-квартира церкви, примерно в 25 км от Полокване, столицы провинции. В 2025 г. поток посетителей на пасхальные выходные в Лимпопо составил около 2 млн человек⁶¹. По оценке 2011 г., расходы паломников составляли около 26 млн долл. с учетом расходов на транспорт⁶². В 2026 г. власти Лимпопо ожидали, что пасхальный период принесет провинции доход до 6 млн долл.⁶³

Традиционные африканские религии и институты

Характерная особенность традиционных африканских религий – их сравнительно слабая централизация и институционализация. В отличие от Католической церкви, крупных протестантских деноминаций или исламских советов, они чаще существуют как совокупность автономных святилищ, жреческих линий, культов отдельных божеств и предков, общин традиционных целителей и локальных ритуальных институтов.

Доисламские и дохристианские религиозные традиции продолжают оказывать заметное влияние на общественную жизнь Африки, в том числе в обществах, почти полностью идентифицирующих себя с исламом или христианством. Даже в Алжире и Марокко, где ислам имеет государственный статус, официально отмечается **Йеннайер** – амазигский Новый год, связанный с доисламским сельскохозяйственным календарем. В январе 2027 г. по современной амазигской системе летоисчисления начнется 2977 г. В Алжире Йеннайер – оплачиваемый государственный праздник 12 января, в Марокко – 14 января.

При этом выделить численность последователей собственно традиционных религий практически невозможно: они редко обладают централизованной организацией и не всегда

59 The Observer. Millennium Sacco 2012 keeps good growth trend. URL: <https://observer.ug/business/millennium-sacco-2012-keeps-good-growth-trend/>

60 Millennium Sacco 2012. Our Loan Products. URL: <https://msacco2012.com/>

61 SABC News. ZCC Easter pilgrimage provides tourism boom for Limpopo. URL: <https://www.sabcnews.com/sabcnews/zcc-easter-pilgrimage-provides-tourism-boom-for-limpopo/>

62 Saayman, et al. Perspectives on the Regional Economic Value of a Pilgrimage. International Journal of Tourism Research. URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/full/10.1002/jtr.1936>

63 Eyewitness News. Limpopo tourism expected to generate up to R100 million over Easter. URL: <https://www.ewn.co.za/2026/04/05/limpopo-tourism-expected-to-generate-up-to-r100-million-over-easter>

открыто говорят о своей религии в опросах и переписях, а почитание предков, обращение к традиционным целителям и другие практики часто сосуществуют с христианской или мусульманской идентичностью. По этой причине формальное число их приверженцев значительно меньше круга людей, реально участвующих в подобных практиках.

Тем не менее современные организации, ориентированные непосредственно на воспроизводство традиционных религий, также успешно функционируют. В Гане действует основанная в 1982 г. **Afrikania Mission** – неотрадиционалистское движение, пытающееся объединить и модернизировать различные местные культы, основанные на почитании божеств, духов и предков, в рамках единой «африканской традиционной религии», в Нигерии – объединения **AATREN**, **International Council for Ifa Religion** (ICIR) и возникший из той же организационной среды **International Congress for Ifa and Orisa Spirituality** (ICIOS), располагают системой членства, зарубежными отделениями и организует международное паломничество по священным местам йоруба.

Наиболее часто институционализированная форма организации элементов традиционных религий – объединения и ассоциации традиционных целителей.

К примеру, действующая в ЮАР и Эсватини **Traditional Healers Organization** объединяет около 78 тыс. практиков. В Танзании традиционное целительство институционализировано через государственное регулирование. Действующий в системе Министерства здравоохранения **Traditional and Alternative Health Practice Council** (ТАННП; Baraza la Tiba Asili na Tiba Mbadala) регистрирует и лицензирует целителей и учреждения

традиционной медицины, контролирует профессиональные стандарты, препараты и рекламу и вправе приостанавливать деятельность нарушителей. На 2025 г. в системе Совета учитывалось около 59 тыс. практиков и 293 учреждения традиционной и альтернативной медицины⁶⁴.

Особый случай представляют охотничьи союзы **донсо** (дозо) в Мали и соседних странах. В условиях вооруженных конфликтов часть таких объединений превратилась в вооруженные отряды самообороны и политически значимых акторов.

Еще значительно влияние традиционных религиозных представлений проявляется через институты традиционной власти, которые формально вообще не представляют собой религиозные организации. Конституция ЮАР признает статус традиционных лидеров и обычное право, а законодательство допускает их участие, среди прочего, в управлении землей, природными ресурсами и местном развитии; на практике распределение и администрирование общинных земель остается одним из важнейших источников их влияния.

Особенно наглядно соединение политической и сакральной власти проявляется в Эсватини, которое представляет собой единственную в мире абсолютную монархию, где традиционная религия предков – основной источник легитимности политической системы.

Король, носящий традиционный титул **Ингвеньяма** («Лев»), одновременно глава государства и традиционный лидер народа свази, тогда как королева-мать – **Индловукати** («Слониха») – имеет собственный конституционно закрепленный традиционный статус.

64 Ministry of Health of Tanzania. Baraza la Tiba Asili, Tiba Mbadala Watakiwa Kujikita Katika Taftiti. 25 April 2025. URL: <https://www.moh.go.tz/news-single/baraza-la-tiba-asili-tiba-mbadala-watakiwa-kujikita-katika-taftiti>

С экономической точки зрения одной из наиболее заметных форм существования традиционных культов стали праздники, паломничества, ритуальные услуги и связанный с ними культурный туризм. Особенно эта модель развилась в Бенине, где государство фактически превратило традицию **Водун** в один из элементов национального туристического бренда. В 2026 г. трехдневные **Vodun Days** в Уиде посетили около 741 тыс. участников.

Заключение

Таким образом, религиозные организации в Африке сохраняют значение благодаря прежде всего устойчивости присутствия их институтов в повседневной жизни населения и включенности в базовые общественные процессы. В условиях неравномерного и порой минимального присутствия государства, церкви, тарикаты, исламские советы, епископские конференции и религиозные фонды остаются посредниками между населением, властями, партиями и иными структурами, в т.ч. и неформальными, а иногда и нелегальными.

Религиозная принадлежность при этом остается важным элементом социальной и политической идентичности. Религиозные организации могут функционировать как часть государственной инфраструктуры и связывать граждан с государственными институтами через официальные религиозные советы, школы, больницы и программы развития. Одновременно они могут формировать альтернативные сети лояльности – вокруг харизматических пасторов, независимых церквей, тарикатов, исламских движений или глобальных сетей. В странах с низким уровнем доступа к государственным услугам их влияние может ослаблять связь граждан с государством и поддерживать более узкие формы лояльности – конфессиональные, общинные, региональные или связанные с конкретным религиозным лидером.

В среднесрочной перспективе значение религиозных организаций в общественно-политической жизни Африки, вероятно, будет сохраняться на высоком уровне. В условиях демографического роста религиозные организации становятся важнейшим каналом связи Африки с миром и влияния на глобальные процессы.

Католические, англиканские, пятидесятнические, суфийские, ахмадийские и исмаилитские структуры связывают африканские общества с зарубежными центрами финансирования, образования и гуманитарной помощи.

Одновременно продолжается африканизация самих религиозных структур: центры принятия решений, подготовки духовенства, финансирования и интеллектуальной жизни постепенно смещаются внутрь континента, тогда как африканские епископы, пасторы и мусульманские богословы приобретают все больший вес в глобальных религиозных движениях и превращают сам континент в источник кадров, идей и организационных моделей для глобальных конфессий

Усиливающийся курс многих стран на политический и экономический суверенитет пока обычно не противоречит росту влияния религиозных организаций и даже на них опирается. Однако в дальнейшем укрепление государственных институтов может привести к обострению противоречий с религиозными лидерами, особенно в тех случаях, если источники легитимности их находятся за пределами границ этих стран. При этом рост роли религиозных организаций не означает формирования единого «религиозного» политического субъекта. Даже внутри одной конфессии конкурируют структуры с различными источниками авторитета, финансовыми моделями и отношением к государству.

Особенно важно, что религиозным организациям удастся сохранять влияние среди городской молодежи, что повышает их устойчивость в условиях изменения социальной структуры континента.

Внутри африканских государств они все чаще выступают поставщиками общественных услуг, работодателями, владельцами активов, посредниками и каналами политической мобилизации, становясь как партнерами, так и потенциальными конкурентами государства. Пока их

влияние реализуется преимущественно через институты, социальные сети и переговоры, а не через собственный силовой ресурс и прямое присвоение политической власти, возможности для дальнейшего расширения их роли сохраняются.

Центр изучения Африки
НИУ ВШЭ

